

Ю_ШУТОВА

Истории
о Гонзу
Читателе,
бывшем
аферисте
и хакере

Ю_ШУТОВА

**Истории о Гонзу Читателе,
бывшем аферисте и хакере**

«Автор»

2023

Ю_ШУТОВА

Истории о Гонзу Читателе, бывшем аферисте и хакере /
Ю_ШУТОВА — «Автор», 2023

Три детективные истории. Главный герой, как это видно из названия, когда-то вел не самую законную жизнь. Но теперь он остепенился, вышел, можно сказать, на пенсию и поселился на самом тихом острове в Атлантике. Острове, где никогда ничего не происходит, и главными новостями считаются футбол и здравоохранение. И все же... Он сам словно притягивает события, и жизнь вокруг начинает закручиваться детективным сюжетом. Воры, утопленницы и наемные убийцы... Разве это жизнь для пенсионера?

© Ю_ШУТОВА, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Человек, который читал газеты	5
Плыла, качалась лодочка	5
Руди, мой мальчик!	8
Чего не сделаешь со скуки	11
Охотник за фотокамерами	15
Еще одно дело	19
Фотограф Хико Ити	26
Три дня Габриэла	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ю_ШУТОВА

Истории о Гонзу Читателе, бывшем аферисте и хакере

Человек, который читал газеты

Плыла, качалась лодочка

Солнце, наконец, зашло за гору, океан прекратил нестерпимо сверкать, тени от платанов стали мягче. По променаду вдоль каменистого пляжа побежали в ярких футболках и шортах вернувшиеся с работы клерки, мальчишки с криками забрасывали мяч в баскетбольное кольцо, с погрузившегося в тень песочного пляжика ушли последние туристы. Ничего этого я не видел, на окнах были опущены белые жалюзи, но для того, чтобы знать, необязательно видеть. Это происходило каждый день, за неделю неделя, за месяцем месяц. Сказал бы, и за годом год, потому что и это правда, но мой личный первый год на этом острове еще не закончился, так что с этой фразой я пока погожу.

Еще через час стемнеет. Пора выбираться из своей норы. Я бросил на пол новый криминальный романчик Алекса Куза «Бритва Оккама», время умственных упражнений закончено, пора переходить к культу тела. Побегать босиком по песку в бухточке: двадцать кругов, двенадцать километров, один час; поплавать в холодной, густой, как пересоленный суп, океанской воде: четыре круга, чуть больше километра, тридцать минут; и так каждый день в пять часов вечера, в любую погоду, кроме настоящего шторма. Я не самоубийца, я пенсионер, мне уже за шестьдесят, и если поддерживать себя в форме не сейчас, то вообще, когда. Наплававшись, – тут же на пляже под душ, лучше соль смыть сразу, чем потом стряхивать ее, мелкую с лысины, выковыривать из-за ушей. Вернувшись к дому, я не поднимаюсь к себе, а устраиваюсь на площади за одним из вынесенных из бара столиков среди таких же стариков, получаю свою бутылочку пива, крохотную, всего двести миллилитров, совсем детская порция, и свои газеты: «Дневник», «Новости столицы» и «Трибуну», мой ежевечерний ритуал.

Меня зовут Гонсалу Араужу Гимарайнш да Кошта, но на площади возле церкви Чудес Господних завсегдатаи крохотного бара без названия зовут меня Гонзу Лейтор – Гонзу Читатель. Я зову своих приятелей голубями, не вслух, конечно, боже упаси. Но согласитесь, они очень похожи на этих серых городских бездельников. Мелковатые мужички собираются стайками на площади чуть ли не с раннего утра, важно прохаживаются, кренясь из стороны в сторону при каждом шаге, кружат группками, воркуют. В середине дня – порск – разлетелись в разные стороны по домам обедать, а после сиесты снова слетаются сюда, и снова кружат по выложенной морской галькой площади. Они громко приветствуют друг друга, будто только что вернулись из дальних заморских краев, обсуждают дела чужих племянников и двоюродных сестер, хвастаются достижениями своих сыновей, которые тоже вот-вот перейдут в категорию пенсионеров и окажутся тут же.

Да, еще днем, пока светло, они играют на площади в домино, в карты или в русское лото, но тогда уж всей большой компанией. Рассаживаются с карточками, закрывают циферки монетками и камешками, и кто-то один, самый ответственный и хорошо видящий, выкрикивает номера, вытаскивая деревянные бочонки из мешка: «Девяносто, два, четыре, барабанные палочки, шесть, девочка, восемь...»

Сегодня все было, как всегда. Зажглись разноцветные гирлянды на деревьях и Вифлеемские звезды на фонарных столбах, только что отгуляли Рождество, и неостановимый праздник катился в сторону Нового года. Круглая и желтая, как сыр, луна выскочила из-за растворившейся в черном небе горы и разбросала по океану сверкающую рыбою чешую. Бар наполнился местными завсегдатаями и туристами из двух гостиниц. По телевизорам внутри над стойкой и снаружи на террасе шел матч Ливерпуль – Арсенал. Народу собралось много, свободных столиков не было. И стоял на площади немолчный гвалт. Я читал свои газеты.

Из широко распахнутой двери бара вышла с маленькой чашечкой кофе толстая старуха, с неожиданной для ее бегемотьего тела грацией проплыла в тесноте террасы, нависла круизным лайнером: «Не побеспокою?» – уселась за мой столик. Долго помешивала ложечкой свой кофе. Свет фонаря падал на ее руки, ухоженные, с гладкой белой кожей, без всяких старческих веснушек и выступающих вен, такие руки бывают у аристократок, не поднимавших в жизни ничего тяжелее веера. Старуха пялилась на меня, разглядывала без всякого стеснения. Что этой старой короле надо-то? Я отложил «Новости» и тоже уставился ей в лицо. Ей было хорошо за семьдесят, когда-то она наверняка была красива, округлое полное лицо, большие голубые глаза, светлые тяжелые волосы, высокая большая грудь. Такой я увидел ее в прошлом, мысленно сняв с тела рыцарские латы жира и возраста. И тут что-то шевельнулось у меня в мозгу, очень знакомая получилась картинка. Угадав искру узнавания в моих глазах, она медленно отодвинула от себя так и не тронутый кофе, встала и двинулась мимо церкви в сторону моря. Когда она скрылась из виду за поворотом, я поднялся и, тоже не спеша, пару раз остановившись перебраться вечным «Как дела?» с кем-то из вновь подошедших, пошел туда же, к набережной. Здесь только один путь.

Она стояла на горбатом пешеходном мостике, перекинутом через речку в точке, где та, наконец, добиралась до своего великого финиша. Начался прилив, и океанская вода, шипя на камнях, заполняла речное русло. Я встал рядом, облокотившись о перила:

– Как ты нашла меня?

– Давно ты здесь?

– Почти год.

– Чем занят?

– Живу. А ты?

Мы разговаривали, стоя рядом, но глядя прямо перед собой в белую пену прибоя.

– Я не искала. Приплыла сюда на Новый год. Вчера случайно увидела тебя, не сразу узнала. Постарел, лысый стал как колено. Загорелый такой, впрочем, ты всегда был смуглым. Настоящий португалец. Только походка осталась прежней, танцующей, вот по ней я тебя и узнала. А я растолстела сверх всякой меры, диабет, старая кошелка. Никому не нужная одинокая пенсионерка.

– Ты старая кокетка, Агнесс. Ты всегда была кокеткой, этого у тебя не отнять. Приплыла, говоришь. Так это твое корыто болталось перед пляжем два дня?

– Правда, она красавица?

– Океанская яхта Азимут 77S. Пенсионерка, говоришь. У нас в баре спорили, саудовский шейх к нам приплыл или английский миллионер. Я сказал, русский, сейчас русские – самые богатые, мне поверили.

– А это никакой не шейх, это я. И между прочим действительно уже лет восемь, нет больше... Сколько мы с тобой не виделись, Руди, лет пятнадцать?

– Двадцать лет, Агнесс, двадцать.

– Ну значит, лет двенадцать как я на пенсии. Веду тихий, размеренный образ жизни. Крохотная квартирка в пригороде Гамбурга, вокруг, в основном, такие же старики.

Она повысила голос:

– И между прочим, я вырезаю талоны на скидки в супермаркете. Да! Я должна экономить! Что скажут соседи, если увидят, что я живу не по средствам?

– Что они скажут, если увидят твою яхту?

– Господи, Руди, где они увидят-то ее? В нашем тесном дворике, справа от помойки?

Мы уже не стояли на мостике, мы прохаживались по набережной, сначала мимо украшенных лампочками пальм и треугольных сверкающих псевдоелок до теннисного корта и часовенки Святого Рока, потом обратно, мимо бухты с пляжем из ярко-желтого, привезенного из Марокко, песка, мимо маленькой марины, где постанывали, поскрипывали, непрерывно пританцовывая на мелкой волне, катера и яхты, тоже маленькие, куда им до Агнессино плавучего дворца. Она опиралась на мою руку, и опиралась все сильнее, таскать свое грандиозное тело ей было нелегко. Я предложил пойти ко мне, взять бутылку скотча в баре и поговорить уже спокойно, в комфорте, как положено двум старикам.

– Только не называй меня Руди. Мое имя Гонзу.

– А чем тебя не устроило имя Руди. По-моему, очень благородно: Рудольф. Когда я была вдовой немецкого генерала... Ах мой бедный Клаус! – у нее в руках оказался розовый кружевной платочек, и она стала театрально вытирать им слезы, – так вот, когда я была вдовой немецкого генерала, моего водителя звали Рудольф. Прекрасный, чуткий юноша...

Это была она, моя Агнесс: ее любовь к розовым кружевам осталась неизменной. Я сжал ее локоть:

– Хельмут, твоего генерала звали Хельмут фон Мольтке, ты сама это придумала. И это я был твоим водителем, Агнесс, прекрати кокетничать.

– А ты помнишь, какое это было красивое дело. Ницца, май, Каннский кинофестиваль, все эти лопухие знаменитости, увешанные камешками до самых носов... А помнишь, какой у нас был шикарный номер в «Негреску» с подлинниками Модильяни в спальне?

– И липовая немецкая генеральша так за него и не заплатила.

Конечно, я помню. Мы тогда здорово порастрясли этих павлинов, поводящих радужными хвостами на красной фестивальной дорожке, а заодно и их спонсоров, гордо надувавших свои золотые зобные мешки, как жабы в брачный период. Ницца, Ницца, пестрый порочный калейдоскоп... Кстати, именно в Ницце мы и познакомились.

Руди, мой мальчик!

Мне было двадцать лет, я только что расстался со своими напарниками Тру и Сушем. Я придумал, придумал сам, один, шикарную аферу. Основная роль тоже была моя, этим двум и нужно-то было только подойти вовремя, и все дела. И лавэ мы делили соответственно: половина мне, половина им на двоих. Где-нибудь на не особо людной улице я высматривал фраерка, такого честного и благонадежного с виду, давал ему пройти мимо, а потом бежал, обгоняя его. И вот в тот момент, когда я пробежал мимо этого фраера... Нет, я ничего у него не выхватывал, не тащил из кармана или еще откуда, наоборот, я «случайно» ронял ему под ноги свой лопатник и тут же скрывался в ближайшем подъезде или в подворотне. А ребятишки мои, эти милые гомики, сидели напротив через дорогу, наблюдая за всей этой сценой. Упавший под ноги кошелек один поднимет с целью поживиться, другой, чтобы отдать раззяве, выронившему его, но поднимают все, сто процентов населения планеты. А подняв, или быстренько уходят в сторону, или рвутся догнать меня. Но, безусловно, не находят, и далее в некотором недоумении следуют с бумажником своей дорогой. Потом открывают его: вдруг там номер телефона или адрес есть, чтобы все-таки вернуть хозяину его вещь. Суш незаметно провожает этого лоха, а Тру поджидает меня и показывает, в какую сторону мне идти. В общем ровно в тот момент, когда фраер открывает мой бумажник, я его догоняю и предъявляю свои права. Громко, между прочим, предъявляю, всячески обвиняя бедолагу в краже. И чтобы он там ни пел, я, выхватив у него из рук лопатник, начинаю вопить на всю улицу, что он украл у меня пятьсот франков или тысячу, это уж как я сам оценил его платежеспособность. Он, конечно, упирается, и вот тут подходят мои ребятки. Они хоть и гомики, но парнишки крепкие, особенно Тру, у него руки, как две рульки, ну и морда тоже как-то в этом же ключе – свиная харя с гнилыми зубами и снулыми глазками. Ну они подходят к нам и так интересуются: что за базар не по делу. «Обокрали», – жалуюсь. «Этот?» – «Он самый». Ну и тут они реально начинают на фраерка наступать, что он, мол, на чужой территории работает, и что за такие кренделя надо платить. В общем, снимается с чувачка весь жирок, какой он по несчастности с собой имел. И честно делится по указанной ранее пропорции.

Проработали мы в трех или четырех городах, потихоньку двигаясь в сторону моря, и вдруг Суш потребовал пересмотра договора. Суш, он всегда был более задумчивым, чем его дружок. «Несправедливо, – говорит, – что большую часть бабла ты забираешь, поровну надо делить». Я спорить с ними не стал, поровну, так поровну. Поспорь тут, они ребята отвязные, я их на таком дне отковырял, ниже не падают. Вакнешь – долго не побегаешь, даже мозоли натереть не успеешь. Поделил последнее лаве на троих поровну, и тут же исчез, испарился, растаял, как сон в их прокуренных мозгах. Чао, дальше без меня.

Добравшись до моря, я быстро перемещался из городка в городок: Манделье-ла-Напуль, Ле-Канне, Антиб, Кань-сюр-Мер, не задерживаясь нигде дольше одного дня, чтобы самому не получить по мозгам за работу на чужой территории. И вот, наконец, Ницца. Кружу по периметру старого города, там, где еще есть чистенькие кондитерские, кофейни, лавки с сувенирами и открытками. Вглубь мрачных, вечно темных и холодных, как ущелья, кварталов туристы особо не заглядывают, если не ищут цветов порока.

Эту мадам я заметил уже скоро: высокая, холеная, лет тридцать пять, в роскошном белом костюме – брюки клеш и пиджак с большими накладными карманами, босоножки на здоровенной платформе, хотя куда ей, она и так была дылдой, почти на голову выше меня. В крохотной сувенирной лавчонке она пыталась расплатиться пятисотфранковой купюрой, вытасченной из пухлого бумажника, а когда продавец, старикашка в берете, пожав плечами, сказал, что, если бы у него была сдача, он бы вообще не стал открывать свой магазин ни сегодня, ни завтра, она молча вернула ему открытки. Потом в кондитерской она взяла большое воздушное

пирожное «Анна Павлова», расплатилась и опустила свой бумажник не в сумочку, висевшую через плечо, а в левый карман своего блейзера.

Я смотрел на нее с улицы через витрину. Вот она выходит, держа тарелочку с пирожным двумя руками, шуруется на ярком солнце, выбирая себе столик на террасе. Я зайду с ее левой руки, подтолкну слегка под локоток, пусть пирожное опрокинется на полотняный пиджачок, и, рассыпаясь в извинениях, вытащу, выужу золотую рыбку из ее кармана. Не в первый раз, я, можно сказать, мастер, так аккуратно вас препарирую, вы и не заметите.

И вот мы сшиблись плечами, пирожное полетело вместе с тарелкой на тротуар, она ахнула, я ойкнул, мои пальцы были уже у нее в кармане, на удивление, абсолютно пустом. И тут же мое запястье в этом чертовом кармане тисками сжали холодные сильные пальцы, а второй рукой она, будто приобняв меня за шею, крепко схватила за волосы, задрала мою голову вверх. И прошипела:

– Что, мальчишечка болезный, мелочь по карманам тыришь? Честных фраеров щиплешь?

Я настолько обалдел, что смог только, вылупившись в ее прищуренные глаза, брякнуть:

– А лопатник-то где?

А потом эта ведьма заголосила. Но совсем не то, что я ожидал, не «караул!», не «грабят!», и не «полиция!», она заорала:

– Руди, мальчик мой! Где ты был все это время? Мы уже похоронили тебя!

На нас стали оглядываться посетители и прохожие. Из кондитерской выскочил хозяин:

– С вами все в порядке, мадам?

Я попытался отпихнуть ее свободной рукой, но она крепко прижимала меня к своей груди:

– Руди, ты не узнал меня? Не узнал свою тетю Агнесс?

Из глаз ее брызнули слезы, теперь она обращалась к месье патисье, а заодно и ко всем любителям уличных происшествий:

– Это мой племянник Руди, мы потеряли его восемь лет назад. Была страшная война, на этом... на Ближнем Востоке... Вы знаете, там все время какая-нибудь война, а мой брат, он был дипломатом, и вот мы бежали, мы ехали через пустыню, а тут эти бандиты, стрельба, взрывы... Мой брат погиб у меня на глазах, я была ранена, очнулась в какой-то больнице, кругом одни арабы, я просила, я требовала, они ничего не понимают, ни слова. Где Руди, где мой мальчик? Ничего, ничего... И вот тут... сейчас... это чудо, чудо!

Она нежно поцеловала меня в щеку и зашипела в ухо:

– Сейчас я отпущу тебя, щипачок. Ты можешь бежать и продолжать стричь шерстку с овец, пока тебя не поймают и не закатают на нары года на три-четыре. А можешь остаться, и тогда у тебя будет шанс узнать что-то новое и интересное.

Надо думать, я остался. Хозяин забегаловки, очень довольный, прыгал павианом вокруг нас – этот душещипательный балаган собрал ему еще десяток клиентов – он выкатил нам по чашке кофе и пару пирожных:

– За счет заведения, мадам, за счет заведения...

И мы уселись в самом дальнем уголке террасы. Первым делом она вытащила из только что совершенно пустого кармана, где я ловил золотую рыбку, маленький кружевной платочек, такой слащаво розовый, девчачий, и стала тщательно вытирать руки, бормоча себе под нос: «Голову мыть надо, волосы сальные, дотронуться противно». Потом спросила:

– Как тебя зовут?

– Руди.

– Хорошо. Тогда я – Агнесс.

Вот так мы стали напарниками. Она была аферисткой экстра-класса, но в одиночку не за любое дело возьмешься. Она видела, как я шел за ней, поняла, кто я, поняла, что я один, и решила использовать меня. Пока я охотился за ее деньгами, она сама охотилась за мной, забросила крючок и вытащила меня, трепещущего, на бережок.

Я научился водить все виды транспорта, включая яхты, вертолет и легкомоторный самолет. Когда спрашивал: «Зачем?», отвечала: «Может пригодиться». Когда спрашивал: «Чего ж Сессна, чего же не Боинг сразу?», отвечала: «Не пригодится». Она заставила меня изучить пару-тройку единоборств: «Нужно уметь защитить себя и, главное, меня, Руди». А когда я заикнулся об оружии, сказала: «Сходи в тир, возьми десяток уроков и забудь об этом навсегда, у тебя не должно возникнуть соблазна воспользоваться этими штуками». Я научился одеваться и сидеть за обеденным столом как лорд, накрывать этот самый стол как лакей высочайшего уровня, отличать треченто от кватроченто, рассуждать о японской поэзии Серебряного века и о способах убийства животных на африканских сафари. И главное, она научила меня собирать информацию отовсюду, из сплетен и разговоров, из передач по телику, научных статей и из газет. Собирать, анализировать, и использовать в своих целях.

Чего не сделаешь со скуки

Мы подошли уже к моему дому, а живу я как раз над тем безымянным баром. Маленький двухэтажный домик, квартирka на втором продавалась очень дешево, несколько лет никто не хотел ее покупать. Как можно жить, если под окном у тебя с восьми утра и до двух часов ночи горланят – португальцы не умеют говорить тихо и в трезвом-то виде, а тут хорошо подвыпившие мужики. Но я сказал хозяйке, что туговат на ухо и прекрасно высыпаюсь, хоть из пушек пали, и быстренько выкупил хату. Одна комната, кухня, балкончик размером с пляжное полотенце и кладовка почти три квадрата, она, кстати и стала основным моим стимулом. Там я устроил себе кабинет. Дикая мысль, что там можно не держать швабры, старые тряпки и сломанные табуретки, а заниматься совсем другими делами, никому не могла прийти в голову.

Забрав бутылку Лафройга у Луиша, хозяина бара, поднялись ко мне. Но сначала, конечно, пришлось представить Агнесс моим приятелям, дескать, заявила ко мне тетушка из Англии, та что по линии двоюродного деда, уехавшего в Южную Африку еще при Салазаре. Уже раздухарившиеся и от пива, и от футбола старики, улыбаясь белыми вставными зубами – хвала страховой стоматологии – радостно кинулись пожимать ей руку, прикладываться щеками, галантны они были как гранды. Кто-то, кажется, таксист Педро, почти единственный из моих приятелей, кто еще продолжал работать, хотя ему уже почти семьдесят, худой, верткий, слегонца кривоногий, молниеносно угостил даму стаканчиком дешевого вина. Агнесс приняла его с достоинством Изабеллы Кастильской, получающей контрибуцию с побежденной Португалии.

Я предложил Агнесс единственное кресло, достаточно вместительное даже для ее необъятных телес, а сам устроился на полу, бросив себе под зад пару подушек. Прямо на пол поставил и стаканы, разлил скотч, вспомнил, что не худо бы чем-нибудь закусить это дело, пошел на кухню делать тапасы. Поджаренный тост, сверху тунец в оливковом масле из консервной банки и маленький кусочек апельсина, мое собственное изобретение. Всегда любил свалить в кучу несочетаемые ингредиенты, иногда получалось здорово. Когда вернулся в комнату с тарелкой в руках, Агнесс уже обошла мое жилище по периметру, как кошка, и стояла у окна со стаканом в руке, сквозь жалюзи глядя на толпящихся внизу голубей.

– Не скучно тебе в этой дыре?

– Нет, что ты. Здесь спокойно и предсказуемо, всегда знаешь, что тебя ждет через час, через день, через неделю. Что еще нужно, чтобы встретить старость?

Господи, ну конечно, мне было здесь скучно, так скучно, что не хотелось вставать с кровати – лежать, не шевелиться, покрыться паутиной и задохнуться в этом коконе, только бы не выходить вниз, не видеть это жизнерадостное старичье, изо дня в день повторяющее друг другу одни и те же истории, сплетни, вычитанные в газетах и перевранные от частого повторения прошлогодние новости. Бывшие таксисты, бывшие рыбаки, бывшие строители, бывшие... бывшие... Все у них в прошлом. Если бы скука не опутывала меня своими сетями, разве я бы стал делать такие глупости.

Я проторчал на этом острове уже полгода, врос в компанию, собиравшуюся в баре на площади, меня уже прозвали Гонзу Читателем и даже приглашали играть в лото, когда в утреннем «Дневнике» мне попала маленькая заметка про ограбление одного небедного дома в нашей округе. Хозяева уехали в отпуск на континент, вот уже должны были вернуться, и домработница, она же нянька, пришла делать уборку в доме. И обнаружила, что одно из окон, выходящих во двор, разбито, а из дома поперта вся техника: телики, колонки, ноуты, принтер, всякая кухонная фигня типа микроволновки, комбайна, миксера, в общем, все, включая детские электронные гаджеты. Больше всего нянька убивалась именно по поводу игрушек: как же, вот

приедут сейчас детишки домой, а тут и поиграть не с чем, ни музыкального смартфончика, ни ходячего единорога, ни гироскутера, ни электросамоката. Все пропало, горе!

И со скуки я решил поймать этого вора. Да что там ловить, упражнение для начинающих. Пошел я в свою кладовку... Тут надо сказать, почему именно три квадрата кладовки стали решающим фактором приобретения этой квартирёшки. Говорил уже, что оборудовал там кабинет. Кабинет – мечта хакера: мощный сервер, пара мониторов, роутер, ну еще кое-какие прибабасы, кто понимает, сам догадается, остальным ни к чему. Запустил бота, пусть лопатит мне сайты бесплатных объявлений, ищет свежие объявления, кто выставил на продажу детские гаджеты. И, пожалуйста вам, через три дня после ограбления появляется свеженькое объявление, а в нем тот самый гироскутер плюс остальные игрушки. Ну я позвонил, говорю, хочу единорога приобрести. Договорился, подъехал, куда паренек мне сказал, в Сантану, купил этого зверя голубой масти с розовым рогом и розовой же веревочкой-поводком. Классная вещь, водишь его на веревочке, а он головой крутит, звуки всякие единорожки издает, сам бы играл, да не за тем покупал. Дошел я до почты, там же в Сантане, отправил этого славного зверя посылкой в наше отделение полиции, и записочку добавил, что человек, зарегистрированный на таком-то сайте бесплатных объявлений под таким-то ником, и есть вор, которого они ищут. И подпись: «Сестра Ирма». Это хохма португальская, «Ирма» по-португальски это и имя, и просто «сестра», получается: «Сестра Сестра», тавтология, приколы. Что мог, сделал, дальше сами.

А на следующий вечер зашли в бар Алипиу и Ана из полиции. Отделение как раз за ближайшим углом, так что после смены ребята часто к нам заходят пропустить по стаканчику. Ну и говорят: такое дело, завелся у нас доброхот, прислал анонимку, а в ней наводка на парня, который давеча дом один ограбил. Ну они проверить-то обязаны. Проверили, а у того дома весь скарб ворованный да еще кой-чего, что по прошлым делам проходит. Во как! Разговоров потом неделю было – эта сестра Ирма, она прямо как новый Робин Гуд засветилась, засияла на небосклоне звездой.

Агнесс отошла от окна, покружила по комнате, встала у двери в кладовку, ну то есть, в мой кабинет. Провела рукой по ней:

– Ручки нет, а дверь заперта. Что там у тебя? Прячешь что-то?

Хорошо, что на острове не принято ходить друг к другу в гости, все общение внизу на площади, а то бы уже кто-нибудь задал мне этот вопрос. Но от своей старой напарницы я решил не скрываться. Смысл? Она прекрасно знает, кто я, да и встретились мы, пожалуй, последний раз, много ли нам еще осталось. Я вытащил из кармана магнитную карту, приложил к гладкой дверной поверхности. Щелкнул замок, дверь приоткрылась.

– Входи.

Сервер чуть слышно гудел, на одном экране крутилась забавная фигурка Тукса, по другому бежал снизу вверх непрерывный поток символов.

– А, твое любимое железо. То, на что ты меня променял двадцать лет назад. «Все деньги в интернете, все деньги в интернете...» Разве ты не завязал?

– Да уж пару лет, как завязал. Решил: хватит. Весь каравай целиком в рот не засунешь. Это так, иногда посмотреть что-нибудь. Привычка.

Мы, действительно, расстались из-за «железа», как она это назвала. Когда наступила эра Великого Безнала, когда денежные потоки все больше и больше стали утекать в интернет, я понял: пора переквалифицироваться. Какой смысл придумывать гениальные аферы, если реальные наличные деньги стяжи с кого бы то ни было становится все сложнее и сложнее. А тут, сидя за ящиком где угодно, можно снимать пенки, откуда хочешь: корпорации, фонды, личные счета, все в твоём распоряжении. Но Агнесс отказалась, дескать поздно менять профиль. И мы разошлись, я ушел в вирт, она осталась в реале.

Она, наконец, угнездилась в кресле, взяла с тарелки тапас, недоверчиво оглядела:

– Что это?

– Тунец с апельсином. Это вкусно, попробуй.

Откусила:

– Да, неплохо. Мой муж терпеть не мог рыбу, я не ела ее девять лет, и до сих пор не ем по привычке.

– Ты была замужем?

– Представь себе. Я, когда, как и ты, поняла, что пора прекращать бизнес, сама уже не в той форме, и на тихую гавань средств вроде хватает, вышла одновременно на пенсию и замуж. Мы прожили девять лет, а три года назад он умер. Язва. Операция прошла успешно, но после наркоза он не проснулся. Просто не проснулся и все...

Я взял бутылку и подлил ей в стакан виски:

– Расскажи мне.

– Я познакомилась с ним, бродя среди гостей на одной очень дорогой благотворительной тусовке, устроенной лично мною в мою же собственную пользу, ну ты помнишь этот номер. Мы оба попытались взять один и тот же бокал шампанского с подноса официанта, при этом едва не завалив и поднос, и самого официанта. Он всегда был очень неловок, мой Якоб. Я влюбилась в него с первого взгляда, вернее с первого слова. Между двумя бокалами шампанского он объяснил мне, что такое форекс, причем так, что я поняла. Якоб Рейнгольд, немецкий еврей из Штутгарта, финансовый эксперт. Гений. Говорить он мог только об инвестициях, акциях, биржевых индексах, одним словом, о деньгах. А я как раз думала, что мне делать с собственными деньгами, чтобы они просто не закончились раньше, чем закончусь я, ты ведь знаешь, финансы требуют внимания. В общем, я расстаралась, и через три месяца он сделал мне предложение.

– И ты допустила его к своим деньгам.

– Нет, Руди, только к телу. Но я внимательно слушала его, а через какое-то время даже смогла задавать правильные вопросы к его ответам. Вот, например, когда все стали смотреть хоум видео, а киноиндустрии пророчили скорую смерть, он советовал своим клиентам вкладывать деньги в развлекательные центры с кинотеатрами на 6-10 залов. Не знаю, как там эти самые клиенты, а я так и поступила, и теперь сеть кинотеатров по всей Германии приносит мне неплохой гешефт. Ну и еще несколько проектов Якоба я воплотила в жизнь, у меня очень миленький инвестиционный портфельчик.

– А я думал, ты все нажитое непосильным трудом вложила в свою яхту.

Агнесс рассмеялась. Надо же, смех ее оставался все таким же низким, воркующим, очень сексуальным, будто там в глубине старой жирной туши как Иона в чреве кита, пряталась молодая красивая женщина, та, с которой я познакомился более сорока лет назад.

– Ну что ты, Руди, яхта эта не моя, она принадлежит Фонду поощрения океанологических программ «Голубая бездна». Красиво звучит, правда?

– Тебе всегда удавалось придумывать броские названия. Только «Голубая бездна» – это, вроде, какой-то американский фильм.

– Ну и что, кто обратит внимание-то. Народу нравится. Между прочим, фонд настоящий, и он действительно финансирует что-то там по океанологии ну и меня заодно, мои путешествия.

– Да? А где она сейчас, твоя красотка?

– А, здесь, неподалеку, в Кинта-ду-Лорде, в вашу марину она просто не влезла.

В Кинта-ду-Лорде, новом, абсолютно искусственном городке была просторная марина для яхт и дорогой отель. Собственно, весь городок вместе с церковью, маяком, ресторанчиком у пирса, пляжиком с кошкин лоб, небольшими домиками, пальмами и бугенвиллией и был одним большим отелем для тех, кто пришел сюда морем.

Бутылка Лафройга подходила к концу, в отличие от наших разговоров. Тема «А помнишь?» может быть бесконечной. Я подумывал, не спуститься ли за второй, пока Луиш не закрыл свой шалман, но Агнесс, будто угадав мои мысли, вдруг засобиралась.

– Вызови мне такси, поеду. В нашем возрасте надо вовремя ложиться спать. Скажи мне, как у вас тут развлекаются пенсионерки?

– Немецкие пенсионерки очень любят ходить по левадам.

– По левадам? Что это?

– Это такие горные, вполне оборудованные под пенсионерок, тропинки вдоль бетонированных канавок с водой. Красивые виды, селфи на фоне камней и водопадов. Рюкзачок и скандинавские палки. Бутерброды и термос с чаем. Хочешь пройтись?

– Ты знаешь, хочу. И ты составишь мне компанию. Завтра. Я заеду за тобой, ну скажем, в двенадцать. Успеешь выспаться. Выбери не самый сложный маршрут. Должен же ты уважить свою английскую тетушку, как ты им сказал(?), по линии двоюродного деда что ли.

Охотник за фотокамерами

Мы пошли в Калдейрау Верде, Зеленый котел. Не самая сложная левада, но и не короткая, шесть с половиной километров туда, да столько же обратно, зато найдется и пара пещер, через которые надо идти в темноте, и виды на ущелье глубиной больше полукилометра и на закуску на финише – водопад. Я, правда, не думал, что Агнесс способна дойти до конца. Она явилась в необъятном белом спортивном костюме, дорогих трекинговых ботинках и панаме, на груди покоилась розовая фотокамера Сони, все-таки Агнесс и розовый цвет неразделимы. И никакого рюкзака, она на прогулку по Английской набережной в Ницце собралась, что ли? Ладно. Я взял сэндвичи, несколько мандаринов, две бутылки воды и пару фонариков-наголовников, телефон, само собой.

Педру подвез нас на своем такси до левады, и мы пошли. Народу было маловато, день пасмурный, периодически начинал накрапывать дождичек. В левадах вода чистая, прозрачная, холодная, она поднимается вверх по горе путем сложной системы заслонок. В воде живет мелкая горная форель, рыбки неподвижно стоят, быстро крутя прозрачными плавниками или лихо плывут против течения. Как там у Кэрролла? Чтобы оставаться на месте, надо быстро бежать, а, чтобы попасть в другое место, надо бежать в два раза быстрее. Как-то так. Поначалу мы двигались довольно споро, но потом моя спутница стала потихоньку уставать, останавливаться и фотографировать все подряд. Мы сделали привал, слопали по сэндвичу, прошли первую пещеру, и тут, наконец, Агнесс спеклась.

– Пожалуй, с меня хватит красот. Нельзя вызвать такси прямо сюда? Нет? Ладно, я посижу чуток, а ты можешь еще прогуляться, Руди.

Мне бы не помешало прогуляться чуток по малой надобности, поэтому я оставил свою «тетушку» с камерой, водой и мандаринами, а сам прошел метров на триста вперед и скрылся от нее за каменным выступом. Но блаженство мое было прервано громкими воплями, Агнесс заорала, осыпая кого-то грязными немецкими ругательствами. Таких можно насобирать только в самом низкопробном портовом притоне. Она всегда умела заковыристо материться на разных языках. Откуда она этих смачных словечек набралась? Будто ошивалась на самом дне, ниже можно только копать. А может, и ошивалась. Я ведь ничего не знаю о ее жизни до того присно памятного дня, когда сунул руку в ее карман. Уже через несколько мгновений я был рядом с ней, сидящей спокойно на камне, но при этом ругающейся на чем свет стоит.

– Что?

– Что, что! Какой-то гад, сволочь поганая, украл мою камеру.

– Тьфу, пропасть. Я думал, тебя тут убивают. Кто украл-то? Как он выглядел?

Агнесс не спеша вытащила из моего рюкзака пару мандаринов, начала чистить один:

– Ну как выглядел... Высокий, лет двадцать, может двадцать три, короткая стрижка, виски и затылок выбриты, без бороды, в одном ухе такая, знаешь, серьга-не серьга вставлена, круглое такое колесико, многие сейчас так ходят, мочки себе растягивают, как масаи какие-то. Футболка черная, джинсы, дыры на коленях, синие кроссовки Найк. Что еще? А! На правом предплечье татуировка цветная, дракон и китайский иероглиф «ди уй», значит «первый».

– Ничё се! Агнесс, ты не меняешься, за несколько секунд все рассмотреть. А иероглифы-то ты откуда знаешь.

– Да ерунда, увлекалась фэнь шуем. Модно было.

– Скажи-ка, не было у него на правой щеке родинки, круглой такой, размером с двухцентовую монетку?

Она ответила, не задумываясь:

– Нет, не было, лицо чистое, нос прямой, вообще, красавчик на самом деле, хоть и свинья. Спер у старухи фотоаппарат, не побрезговал, и сразу бежать, ни тебе «здрасьте», ни мне «до свиданья». Будто я за ним погонюсь. Впрысочку поскачу.

Оказывается, она поставила свой фотик на камешек, собиралась сделать красивое селфи «Я и горы, а вдали деревенька в ущелье». Вот тут этот красавчик и выскочил откуда ни возьми, цап камеру и прыг-прыг-прыг по камням куда-то в обратном направлении...

– Ладно, не переживай, купишь новую. Хочешь я тебя на смартфон сфоткаю?

– Что ты несешь... На смартфон... Дилетанщина. У меня была Сони Альфа. Сони Альфа, понимаешь, качество, как у зеркалки. На смартфон... Ладно, давай, фотографируй. Только улыбаться я не буду, не с чего.

Я сделал парочку кадров. Агнесс они вроде бы удовлетворили: ущелье, белые домики далеко на дне, и там внизу – солнце неизвестно откуда, а вершины гор темные, заросшие эвкалиптовым лесом, и на плечах гор лежат серые мрачные облака. Даже настроение какое-то получилось.

Мы двинулись назад, я позвонил Педру, чтоб забрал нас на выходе с левады часа через полтора. Вышли мы раньше, чем он подъехал, пришлось посидеть на скамейке минут двадцать, кафе по дождливой погоде было закрыто, так что кроме как на подмокшей лавочке у запертой двери ждать было негде.

– Руди, – Агнесс доедала последний мандарин, аккуратно складывая корочки мне в ладонь, – а ты почему спросил про родинку у этого засранца? Расскажи-ка.

– Думал, может мой клиент...

– И?

– Знаешь, я вчера соврал тебе. Когда сказал, что здесь не скучно. Мне было смертельно скучно. Зубодробительно скучно. Иначе я б в это не полез. Но я поклялся себе, что делом больше заниматься не буду, ни за что. Ну и со скуки попытался ловить этих, как ты справедливо заметила, засранцев.

– Что? – Агнесс рассмеялась, и я опять поразился, как молодо звучал ее смех. Если закрыть глаза...

– Ты переквалифицировался в супермены, стал защитником вдов и сирот, рыцарем на белом коне? Руди, что с нами делает старость...

При чем тут старость. Это все скука, тоска, отсутствие азарта. Вот, что это. А не старость никакая.

Газеты были полны заметок: «На такой-то леваде у туристки из Дании (Германии, Австрии...) семидесяти (шестидесяти пяти, семидесяти трех...) лет неизвестный вырвал из рук фотокамеру Сони (Никон, Кэнон...)». Я прикинул: если в полицию обращались две из трех жертв, то получается, что за месяц кто-то навыхватывал более сорока камер, а если посчитать за год, получается не хилое количество. Куда их девать? У нас и комиссионков-то практически нет, пара-тройка в столице, туда не сдашь, да и кому они там нужны, туристы не будут старье покупать, а местным понадобится может раз в год по завету. И полиция никого не поймала. Значит, эту канитель тащат на континент, а это только кораблем можно, на самолете не увезешь, сразу засветишься. Всю сеть я отловить не в состоянии, это понятно. Но я подумал, поймаю собственно охотника за старухами, сдам полиции, а уж они его раскрутят.

И я вышел на охоту. Переоделся немецкой пенсионеркой: короткий седой паричок, пестрые лосины, туристические ботинки на толстой подошве, очки в дорогой оправе, без диоптрий, правда, но кто вам считает, розовая непродувашка, непременная пара палок для скандинавской ходьбы и фотокамера на шее. Как хохотала Агнесс, когда я расписал свой маскарад.

– Руди, почему мы никогда не использовали твой талант? Где ты понабрался этого? В какой поселковой самодеятельности?

Мы опять сидели у меня в комнатухе, опять я разливал по стаканам виски. Лафройга, увы, уже не было у Луиша, он держит только одну такую бутылку в баре. Никому кроме меня такие изыски не нужны, местные обходятся более дешевым и менее крепким пойлом. Но во второй вечер сгодился и Баллантайнс.

– Руди, Руди, зачем ты бросил меня, – Агнесс без остановки лопала мандарины, я только успевал их чистить, она сидела в кресле все в том же белом трикотажном костюме, огромная и грациозная, как касатка во льдах. Я, как и вчера, устроился на полу на подушках, прямо перед ней, катал в ладонях стакан, согревая своим теплом малую толику скотча, рассказывал эту, в общем-то, провальную историю, и мне было хорошо.

– Если бы я раньше знала об этой твоей страсти к переодеваниям... О, сколько нам открытий чудных... Мы могли бы неплохо зарабатывать на сельских ярмарках...

Мы просто ржали, я вообще падал на спину на своих подушках – Господи, помоги мне не пролить мой виски...

Короче, я потратил почти месяц, пока вышел на этого, на своего клиента. Выбирал такие не особо приятные деньки, дождичек или ветер, чтоб не валили валом, а так, по чуть-чуть пенсионерок. Ну и однажды срослось. Левада. Микроавтобус. Высаживается группа, человек шесть-семь, такие все, как положено, восторженно-престарелые. Идут мимо закрытого бара в сторону дорожки, кто-то сворачивает в туалет, что с них возьмешь, старичье, долго ли они протянут без сортира.

Последней из туалета выходит тетка в пестрых штаниках и розовой непродувашке, помним, палки и камера на шее. Она отсекает: за углом между сортиром и закрытым баром сидит на скамеечке чел, явно молодой, на морде справа та самая родинка с мелкую монетку, толстовка, рюкзачок. Чего ты тут забыл-то, родной? Группа уходит вперед, эта, дура отставшая, им чё-то вслед провонила, палкой своей помахала, и все ушли.

Двадцать минут спустя: тетка, оставив свои палки у каменной стенки, одинокая такая, остальные выдвинулись вперед, воодушевленно фотографирует всякую фигню: ущелье, камни, цветуйки. У нее в руках явно Никон, закошенный под старый пленочный фотик, тушка в кожаной обтяжке, металлические, стального цвета края, ширик – супер, две тыщи евро за новый, тудой-судой, триста точно заплатят за эту зеркалку. Выходим на старушеницию и... Он схватился за камеру и дернул на себя, старуха, неожиданно сильно дернула фотоаппарат в свою сторону, и тут же коленом ударила ему в пах. «У, ё моё!» – парниша согнулся, выпустил тетку камеру из рук, и тут же камера полетела наземь, а эта гримза ребром сцепленных в замок ладоней жახнула ему по затылку, и, ожидаемо, лицо его, нос и все прочее пришло в соприкосновение со старухиным коленом, каменным таким коленом, как базальтовый валун. Последнее, что он запомнил: прямо перед лицом на земле лежал фотик, на нем было написано «НИПОН», не «Никон», а «Нипон», это была явная подделка, контрафакт, а он, придурок, повелся... Всё. Занавес упал.

Веселуха закончилась. Спустя примерно час с небольшим группа туристов, возвращавшихся с левады, нашла тело, умело связанное металлическим тросиком: вокруг шеи скользким узлом, запястья за спиной, и как бонус – ноги, согнутые в коленях назад, и связанные тем же тросом за щиколотки. Любая попытка выпрямить ноги или двинуть руками, и на горле затягивается этот самый трос. По-моему, неплохая шутка. Я же не заткнул ему рот, двигаться он не мог, но орать-то ори, сколько хочешь. Чё, не прикольно? Не знаю, Агнесс, по крайней мере, веселилась.

– Ну и что, мой рыцарь, ты наказал этого преступника, этого страшного человека, этого похитителя дорогих старушечьих фотоаппаратов, ты, светлый герой, гроза девственниц и защитник драконов?

– Да как тебе сказать...

Ну да, эти соколы позвонили в полицию, и, те на удивление быстро приехали.

– И что же?

– И ничё... Взяли они тело, ну там опять-таки записка: «Эта сука ворует фотокамеры у пенсионерок на левадах» и подпись: «Сестра Ирма». Как-то так, не помню уже точно.

И, правда, ничего. Заявления не было. Ну ладно, парнишу полицейские забрали, они даже пришли к нему домой с обыском. И чего? Нашли у него в доме сумарь, а внутри два десятка, ну может чуть меньше, фотоаппаратов. Но паренек сказал, что кто-то, он его не знает, попросил похранить и денег дал тридцать евро, а что там, он не смотрел, ему просто деньги были нужны. Для полиции может и доходчиво, но я так понял, что зря сунулся. Я утырка поймал, рыло ему начистил, а он сейчас там где-то в кутузке сидит и молчит. Всё. Тупик. Ничего эти толеранты с него вытрясти не могут, и максимум, что ему грозит, полгода за то, что он краденое барахло у себя дома держал.

Как она хохотала... Вот никому бы я не рассказал так, чтобы позволить ржать надо мной. Но Агнесс – это Агнесс, моя Агнесс... Ей можно. Я, когда рассказывал, сам просто упивался анекдотичностью ситуации. Я ловлю преступника! Обхохот! Зачем? Нет, ну правда, ну поймаю, и что делать? Аутодафе? Торжественная передача в руки правосудия? Пока Агнесс не стала вслух смеяться над мной, я, чесслово, не задумывался, что будет дальше, постигнет ли кара, а если постигнет, то как, этого самого преступника. Не мое, совсем не мое, мне всегда было проще на другой стороне, на стороне убегающих... А тут я перелез через баррикаду, так сказать, и оказался среди тех, которые ловят. И я поймал. И что? И ничего. Правосудие, беззубое, толерантное, волшебное наше правосудие решило: все, что оно может впаять засранцу – шесть месяцев тюрьмы за хранение условно краденного барахла, а если этот говнюк будет паинькой, то и до трех скостят.

Назавтра я повез свою подругу в Фуншал покупать ей новую камеру. Скажу вам, наша столица – далеко не Париж, не Лондон и даже не Москва. Вот есть один магазин ФНАК, и хватит, больше не проси.

– Нет, Руди, это не Сони. Таки да, Кэнон – хорошая камера, не надо мне ничего петь, но у меня остались и зарядник, и еще батарейка запасная для Сони. Ну скажи мне, из каких соображений я буду нечто иное брать.

...

– Нет, да, – это Сони, да, новее, чем моя, но она не розовая... А еще у нее этот вот, как его, видеоискатель, из-за него экранчик не поворачивается. Селфи-то как делать? И не розовая. Я ХОЧУ РОЗОВУЮ!

Ну вот с этим не поспоришь, хочет она розовую, а где ее взять, если это позапозапрошлый сезон. Ладно проехали. Осталась Агнесс без фотокамеры.

Но это еще не все хохмы. Вот смотрите, что дальше было...

Еще одно дело

На другой день Агнесс пригласила меня к себе на яхту проехать слегка вдоль побережья, пока погода безветренная. Договорились, что я подъеду в Кинту-да-Лорде около полудня, видимо, для нее это раннее утро. Я вышел на площадь, поздоровался со всеми приятелями, это заняло, как обычно минут двадцать, меньше не бывает. Пришлось выслушать рассказ о свадьбе чьего-то очередного племянника, обсудить вчерашний матч Тондела против Насионала и прогноз погоды на завтра. Я спросил, появлялся ли уже таксист Педру. И услышал странный ответ: Педру, как обычно, со своей машиной на площади у церкви или на второй стоянке, но работать он сегодня не будет, и вообще, сегодня таксисты не поедут. Что-то небывалое. Забастовка в нашей тихой гавани? Бунт? Гражданское неповиновение? Я порыскал к церкви. Там действительно, как и каждый день, стояли таксисты со своими желтыми авто, но сегодня они не приглашали снующих мимо туристов прокатиться по острову, а наоборот, если кто пытался сесть, мотали головами, разводили руками, не поедут, мол. То же самое было и на второй стоянке через квартал, у бара «Солар». Это фактически таксистский бар, они ставят машины, а сами сидят, пьют кофе и обсуждают свои проблемы. Педру был там. Я к ним:

– Алло, народ, что происходит? Что за дела? Педру, отвези меня в Кинту.

А он мне:

– Прости, брат, не поеду. Мы сегодня стоим, никто не ездит. Весь остров стоит. А в восемь вечера двинем в столицу, маршем по авениде Инфанта мимо президентской Кинты Вижии. В знак протеста.

– Протеста против чего? Низких цен? Малого количества желающих прокатиться?

Педру посмотрел на меня с явной горечью, будто я, сущеглупый недоумок, пляшу на могиле его бабушки:

– Ты что, Гонзу, ничего не знаешь? Ты же газеты каждый вечер читаешь, уж ты-то должен знать...

А я опять чуть не сутки с Агнесс провел, сначала по магазинам, потом у меня виски пили под воспоминания. В кои-то веки я нарушил свой режим, и по пляжу не бегал, и газет не читал. Вот женщины, даже на старости лет от них одно беспокойство. И именно в этот день было что-то значительное в «Дневнике», где, в общем-то, главные новости – это футбол и поддержание здоровья во всех видах.

– Таксиста одного убили... Ты знаешь, уже с месяц или больше на таксистов нападают, выручку отбирают. Мы все боимся. Вон даже деньги у сеньоры Клары оставляем. Больше двадцатки мелочью с собой стараемся не возить.

Клара, хозяйка бара «Солар», оказывается, не только кофе таксистам подает, но еще и хранит их капиталы, прямо приватный банк. И правда, уже какое-то время появляются в газетах заметки об ограблениях таксистов, им угрожают, часто с ножом, отбирают выручку. Причем чаще и чаще, последнюю неделю практически каждый день. Таксисты на острове, в основном, старые, как и их машины, они-то и становятся жертвой вымогателей. Но чтоб убить?

– Да кого убили-то?

– Парня одного, молодого. Видать, не захотел с деньгами расставаться, в драку полез, и этот гад его сначала по голове треснул, а потом зарезал. На, вон, хочешь, сам почитай, – он сунул мне в руки вчерашнюю газету.

В криминальной хронике говорилось, что таксист был найден мертвым возле своей машины в районе Параизу. А это совсем рядом. Убийца оглушил его гаечным ключом, а потом ударил ножом. Ключ был обнаружен рядом с телом. На нем – отпечаток большого пальца. По картотеке он не проходил. Бумажник, в котором была всего пара десятков, убийца не взял, тот остался в кармане трупа.

Если отпечатков нет в базе, значит, это новичок, убил, скорее всего, разозлившись, был выпивши или обкурившись, агрессивен. Бабки не взял, видимо, сам испугался того, что вышло. Если он не получил навар вчера, значит, велика вероятность, что попытается получить его сегодня. А таксисты не работают...

Только у меня все это прокрутилось в голове, в кармане затрещал телефон. Звонила Агнесс, она была страшно недовольна: я опаздывал. Как же наша прогулка на яхте? Я сказал, что прогулка, похоже, накрывается.

– Агнесс, возьми машину от своего отеля и дуй сюда ко мне, дело есть.

– Дело?

Вот это вот «дело» она произнесла так, будто после каждой буквы, а каждая буква была большой, очень большой, и после каждой такой буквицы стояли и восклицательный, и вопросительный знак разом. Любопытство, неприятие, отбрасывание этого «дела» от себя. Но любопытства все-таки больше. Не удержится, придет.

– Ладно, через двадцать минут. Но смотри, Руди...

Она повесила трубку.

Явилась Агнесс, конечно, не через двадцать минут, на это я и не рассчитывал. Но полтора часа, это нормально, да? В общем, было около половины третьего, я ждал ее у себя, и уже отчаянно хотел жрать, пообедать не довелось. Обедаю я обычно не дома, возиться лень, да и чего на одного готовить-то, проще пойти куда-нибудь и за пять монет получить большую тарелку с рыбой или курицей, или антрекот, да плюс картошка, батат, рис, пимпинелла и помидорчик, да еще стаканчик вина в придачу. И каждый день – новое блюдо, а дома сварил что-нибудь и жуй это три-четыре дня. Тоска. Но к двум часам все обычно уже съедалось, в маленьких барах много не готовят. Не дождавшись свою подругу, я спустился вниз, попросил Луиша приготовить мне хоть пару тостов с ветчиной и сыром, не вполне еда, но хоть что-то. Тут она и подъехала. Как-то алчно глянула на мою тарелку.

– Будешь?

– С удовольствием, – и потянула тарелку к себе.

– Луиш, сделай нам, пожалуй, еще пару, нет, еще четыре тоста, э-э, каждому. Тетушка очень проголодалась.

И вот мы сидим над горой тостов, вкуснейших, горячих, хорошо прожаренных, запиваем все это дело темным пивом.

– Что ты хотел от меня, Руди? Что за «дело» такое?

И опять такая интонация интересная, в ней и брезгливость некоторая, и любопытство, и даже какая-то ностальгия. А может, мне показалось. Я сунул ей под нос изрядно уже помятую газетенку:

– На, прочти. Хотя, тут на португальском... Сам расскажу.

И быстро обрисовал ей картинку, как я это увидел: жалкий человечек, пустой, пьянь или наркоша, скорее все-таки обкуранный, решил однажды отобрать деньги у таксиста. Это легко, старик, неуклюжий, покажи ему нож, сам отдаст. Получилось. Потом опять. Бабло быстро кончается. Понравилось, стал выходить на разбой каждый день. Все нападения так или иначе привязаны к Параизу, райончику крайне бедному, депрессивному, многие там живут без нормальной работы, одними своими огородиками, а многие вообще уже там не живут, стоят пустые дома со слепыми, заколоченными фанерой окнами. Утырок то нападал здесь, то выезжал отсюда, то просил довести до этих краев. Потом попал на молодого, тот в драку, убил его, может и не хотел, так получилось. Испугался, убежал. Денег не взял. А надо на новую дозу.

– Ты хочешь сказать, что сегодня он обязательно выйдет. Я поняла. Но тебе-то что? Или ты всерьез решил вершить правосудие на этом острове. Граф Монте-Кристо. Пусть его полиция ловит.

– Ловит, ловит... Она пока поймает, эта гнида еще кого-нибудь зарежет. Страшно только первый раз. А если он Педру, например, убьет. Педру, который тебя вином угощал, помнишь? Я вот тебе про него расскажу. Ему без малого семьдесят, а он все таскается туда-сюда на своем такси. А знаешь, почему? Сорок лет назад он вместе мужьями своих сестер, как это называется, шурин? А нет, зять, кажется. Так вот, он со своими зятьями уехал на заработки в Южную Африку, тогда все уезжали. Но лет через пять-шесть вернулся. Он вернулся, а зятя – нет, там остались, рыба ищет, где глубже, а человечки, сама знаешь, где больше дают. А у Педру пять сестер, и у всех дети, у него семь племянников и пять племянниц, и их надо было кормить, одевать, в люди выводить. А мужик один – Педру. Вот он и начал пахать на все свое бабье царство. Теперь-то все уже не только выросли, но и своих детей завели, а Педру остановиться не может и вот так, каждый день на своей машине колесит по острову. Зато, знаешь, вот сейчас после Нового года начнутся семейные обеды, это, когда вся родня, включая третью, четвертую и седьмую воду на киселе, собирается в ресторане. Тогда за его стол сядет человек двадцать пять, сестры, племянники, их жены, дети, племянницы, все-все. Они будут есть, пить, показывать друг другу фотографии младенцев и стариков на своих смартфонах, громко галдеть на весь ресторан, так, что рядом находиться невозможно, и просто радоваться жизни... Нет, Агнесс, я не завидую, но, по-моему, это здорово.

– Ну, понеслось... Защитник вдов и сирот, проповедник добра и справедливости...

– Короче, Агнесс, поможешь мне?

– Да делать-то что? Говори уже, а то тянешь резину, проповедь мне читаешь. Давай, тряхнем стариной, что ли.

– Надо заполучить в свои руки такси и проехаться на нем по округе, я уверен, клиент сам на нас выйдет.

– А дальше?

– А там, как пойдет...

Короче, шесть вечера, начинает темнеть. Я выглянул в окно, убедился, что Педру уже здесь на площади, разговаривает с Кривым Алфонсу, оба возбужденно машут руками, знаете такой жест: отмахнуть от себя что-то снизу-вверх тыльной стороной ладони, что-то ненужное, нехорошее. Наверняка последние события обсуждают. Ну да мне все равно, главное – участники спектакля в сборе. Значит, шоу пора начаться. Занавес!

Агнесс спустилась и уселась на крохотной площадке между лестницей и дверью на улицу. Я наверху взял табуретку, швырнул по ступенькам, она с грохотом и подскоками понеслась вниз. На середине пути табуретки Агнесс заорала. Когда в дверь просунулись любопытные физиономии моих приятелей, их жадным очам предстала такая картина: Агнесс с табуреткой под головой кашалотьей тушей развалилась под лестницей, заняв абсолютно все тесное пространство и задрав ноги, одна ее туфля свисала со средней ступеньки. На толстом колышавшемся животе покоилась крошечная розовая сумочка Версаче. Туша едва шевелилась, пытаясь выбраться из капкана, и громко стонала по-английски: «О, моя нога, я сломала ногу, боже, какая боль, помоги мне, Ру... э-э, Гонзу, скорее, я сейчас умру...» И так далее. Я выскочил из своей квартиры наверху с воплем: «Что? Что произошло?», всплеснул руками, увидев страшное крушение Агнесс, бросился к ней, приговаривая: «Ты не ушиблась?». Потом все дружно вынимали стонущее тело, тащили его на улицу, усаживали в кресло на террасе пивнушки. Кто-то торжественно нес утерянную туфлю, кто-то предлагал вызвать скорую помощь, везти жертву коварных ступенек в клинику. Я щупал лодыжку, Агнесс взрывала пожарной машиной, корчась и порываясь выпасть в обморок. Нашарив глазами в толпе Педру, я подозревал его:

– Педру, дай мне машину, я отвезу ее в Кинту, она в клинику не поедет, у нее свой врач, она только ему доверяет.

– Зачем, твою тетку я сам отвезу. И почему, кстати, она говорит с тобой по-английски?

И тогда, перегнувшись через толстую ножищу, которую до сих пор держал в руках, пристально глядя таксисту в глаза, я сказал вполголоса, чтоб не слышали остальные:

– На самом деле она мне не тетка, она моя мать, приемная. Она вытащила меня из вшивого приюта в Кейпе. Мне было четыре года, я считался полудурком, мочился в постель, ел козявки, размазывал свое дерьмо по стенам и совсем не говорил. Она пришла туда с какой-то комиссией, проверочной или благотворительной, не знаю – молоденькая совсем, но такая уверенная в себе как королева. Ее занесло в нашу комнату. Воспиталка била меня линейкой по испачканным говном рукам, а я молчал и только все старался дотянуться до ее белого платья. А эта говорит ей: «Вы плохо наказываете непослушных, дайте мне линейку!» Воспиталка и отдала. Тогда Агнесс, взяв линейку, со всего размаха вlepила ей по щеке так, что сразу появился красный рубец. Не слушая воплей несчастной дуры, она сунула меня подмышку и пошла к директору приюта. Говорит ему: «Ту, что сейчас придет жаловаться, увольте немедленно или уволят вас. Документы этого мелкого засранца выбросьте, я забираю мальчишку с собой.

– И что, усыновила тебя?

– Официально нет, выправила мне новое свидетельство о рождении. Она вырастила меня. Могу я что-то сделать для нее сам, а, Педру?

Тот только вздохнул:

– У тебя права-то есть?

– Есть.

– Ладно, сейчас пригоню машину. Только ты побыстрей, мне же еще в столицу ехать со всеми.

– Я успею.

Стонущую Агнесс с трудом усадили на переднее пассажирское, донельзя отодвинутое назад, сидение, кто-то заботливо положил ей на колени утраченную туфлю, кто-то сунул ей в руки бумажный пакет с сэндвичами, кто-то протискивался сквозь толпу, держа над головой ее сумочку, бог не дай, забудет. В общем столпотворение и суeta на нашей площади были как на картинах Брейгеля Старшего или еще у какого-то русского художника – «Боярыня отъезжает в ссылку».

Минуты через три, когда Агнесс, наконец, перестала стонать, а то уж больно вошла в роль, надела свою туфлю и принялась жевать сэндвич из пакета, я вырулил на дорогу, ведущую в Параизу. Мы покатались по этой дороге взад-вперед-наискосок около получаса, мне уже начал названивать Педру, и, чтобы ничего не врать, я отключил телефон. И вот очередной круг: на въезде в квартал вижу, стоит какой-то чел в старой линялой толстовке, на голове шапочка вязаная с короткими ушками. Это у нас на острове такая национальная шапочка, всегда коричневая или белая, мужики с гор такие носят. И он рукой мне так: остановись, брат. Поближе подъехал, смотрю, а челу-то нехорошо, потряхивает его слегка. Говорю Агнесс:

– Аккуратно. Вроде, наш клиент.

И притормаживаю около:

– Куда, брат?

– В Санту-да-Серра подбрось.

– Легко, счас только бабу эту до дома докину, тут по пути.

Ну он назад полез, уселся за мной, поехали. Я насвистываю, Агнесс улыбается как престарелая Барби, этот сзади сидит, как куча, голову в плечи втянул. Я через плечо, так скабрeзно скалясь, говорю:

– Прикинь, брат, я эту бабищу уже неделю по острову катаю. Типа окрестности показываю. Да только чего она видела-то, – хохотнул со значением.

Остановился я у какого-то дома посимпатичнее, пара этажей, садик небольшенький, дорожка, мощеная черной галькой, вверх к калитке. Агнесс заворочалась, стала из машины

выколупываться. Вылезла, достает из своей сумочки стоевровую купюру и протягивает мне. Я ей:

– Что вы, сеньора, это слишком, это много, много, – пытаюсь ей купюру обратно всучить.

А она, совсем уже лучезарно улыбаясь, на чистом португальском говорит мне:

– О, нет, это в самый раз. Вы так много для меня сделали...

Ах, Агнесс, ты полна сюрпризов.

Ну она по дорожке к дому пошла, а мы с этим утырком двинули.

– Прикинь, брат, мало того, что этих туристок возишь, их еще и... – я завернул самое грязное словцо, эвфемизм слова «секс», – неделю, говорю, с ней катаюсь. Но она, знаешь, щедрая, да, что есть, то есть, ботинки мне купила, «Эктив Кэмэл» настоящий, супер, сто тридцать стоят. Я домой их принести не могу, жена спросит, где взял. И деньги тоже показать не могу, так и вожу их в багажнике в коробке с ботинками.

Баки ему заливаю, весь сияю от самодовольства. Тут он мне говорит:

– Не надо в Санту-да-Серра, давай дальше чуток, в Камашу.

А это по глухой такой дороге ехать, справа гора-лес, слева обрыв, ввечеру в эту сторону мало кто потащится. Вот там-то он меня потрошить и собрался.

– Нет, брат, – говорю, – в Камашу не поеду. Чего вдруг? Ты ж до Санту-да-Серра подрыжался.

И вот тут я по-настоящему испугался. А кто бы не испугался, когда ему сзади в шею лезвие ножа уперлось? И ждешь вроде, а в самый момент страх возьмет, тем более знаешь, что там за спиной торчок, которого ломает. Я газанул резко, чтоб его назад отбросило, пригнулся и тут же по тормозам, ключ от машины в карман и выкатываюсь наружу, этот – за мной. Нож в руке, выкидуха, а держит, ну чесслово, кино насмотрелся, держит в кулаке высоко перед грудью, так только сверху бить. А бить-то надо снизу-вверх, под ребра, либо в печень, либо в сердце. Как он сумел того таксиста завалить, вообще непонятно, видно, впрямь, случайно получилось. Ну, я пячусь от него, верещу:

– Не надо, брат, не убивай, я все тебе, все тебе... Вот часы возьми, тоже она подарила.

И с руки часики снимаю, они у меня теперь на правом кулаке, ему протягиваю. Он – на меня, я – шаг навстречу, левой рукой – за запястье, блокирую нож, а правой, часами этими, циферблатом, как кастетом, ему в челюсть шмяк... Часики мне, и правда, Агнесс подарила, это я не соврал, подарила на наше расставание двадцать лет назад. Откуда ему знать, что стекло на них пуленепробиваемое, им не то, что орехи колоть, им бетонные сваи заколачивать можно. Он покачнулся, а я его придержал, не падай дружок, и ребром браслета по горлу ему чиркнул. Откуда ему знать, что при некоем движении из пары сегментов лезвия выскакивают, острые как бритва, убить – не убьешь, но кровь пустишь.

– А-а-а! – завопил, нож бросил, за горло схватился, – ты убил меня, убил!

– Да, я убил тебя, – говорю и, напоследок, часами же ему в висок въехал, загасил. Ну, он брык с катушек, как у одного писателя: «лежит, скучает».

Ножичек я подобрал аккуратно за лезвие салфеточкой, в пакетик целлофановый сунул – это штукенция важная, вещдок – клиента связал тросиком фирменным стилем и в багажник загрузил. Ну еще шею ему какой-то ветошью из хозяйских запасов замотал, чтоб машину кровью не утвардал.

Возвращаюсь за своей подругой, думал: она там у калитки стоит, подъезжаю – нет ее. Я посигналил. Тут в домике отрывается дверь оттуда выглядывает тетка в фартуке и рукой мне машет, кричит:

– Заходите, заходите, сеньора вас ждет!

Что еще за хоровод? Захожу. В зале, где, наверняка, собираются только на Рождество, за столом все семейство, человек пять, во главе стола Агнесс с толстым фотоальбомом в руках,

рядом бабулька сморщенная примостилась, что-то ей там показывает и, судя по всему, рассказывает всю семейную историю. Тетка в фартуке мне улыбается:

– Слава богу, вы приехали. Сеньора была так расстроена. Подумать только, вышла прогуляться из гостиницы и заблудилась. Хорошо, что вы оставили ей свой номер телефона.

– Да, – говорю, – эта сеньора крайне рассеянна, вчера она ухитрилась потеряться внутри отеля, забыла номер своей комнаты, плача, бродила по пустым коридорам, пока не забрела в прачечную, там моя дочь работает, она ее спасла, отвела к стойке администратора.

Агнесс поднялась из-за стола, начался обряд прощания: объятия, пожимания рук, прикладывания щечки к щечке, все наперебой что-то втолковывали ей, хозяева улыбались, я улыбался, она улыбалась так, будто после многолетней разлуки встретила своих родных. Наконец, мне удалось заполучить ее, я стал подталкивать свою напарницу к выходу, шипя сквозь улыбку, что не худо бы побыстрее, но она два раза уворачивалась и вновь кидалась в раскрытые объятия семейства.

– Такие отзывчивые люди, я хочу отблагодарить их, – она полезла в свою сумочку.

– Много не давай, не больше двадцатки. Не надо смущать невинные души, а то они начнут бездельничать, предаваться пьянству, пороку, распутству и сами не заметят, как закончат свою загубленную жизнь на панели.

Двадцать евро быстро переключались из холеных пальцев Агнесс в натруженную, перевинутую венами лапку старушки с фотоальбомом, и мы отчалили.

Уже сидя в машине, она спросила:

– Ну, получилось?

– Груз в багажнике.

– А что теперь?

И правда, что теперь? Не повезешь же его прямиком в полицию. Заходишь в отделение, а там, как раз, Алипиу дежурит, и так небрежно ему: «Привет, Алипиу, как дела, как жизнь? Да, я тут тебе привез убийцу, возьми в машине, в багажнике», а он спокойно: «Само собой, сейчас вот статейку в газете дочитаю и пойду заберу. Ты ведь не торопишься?»

– Надо бы его где-то поближе к полиции сгрузить. Потом тебя отвезу.

За квартал от отделения, там, где потемнее, у заброшки, старого дома, с провалившейся крышей, еще каменного, а не как нынешние из бетона, я остановил машину, открыл багажник. Клиент зашевелился, тросик на горле стал затягиваться, утырок захрипел, я еще раз двинул ему в висок, чтоб затих, потом выгрузил его в узкий проулок. Пакет с ножом сунул ему за пазуху. Отогнал машину подальше и снова остановился.

– Агнесс, дай мне твой телефон.

– Зачем?

– В полицию позвоню. Я быстро, они не отслеживают, да у тебя и номер иностранный. И платочек свой тоже дай.

Взяв ее мобильник, я прикрыл микрофон розовым платочком, двумя пальцами слегка сжал себе горло там, где связки, и вполне натуральным женским голосом сказал в трубку:

– Полиция? В переулке Девушки Сюжет возле заброшенного дома вас ждет убийца таксиста. Нет, не шутка, пройдите десяток метров, не поленитесь. Кто говорит, кто говорит, сестра Ирма говорит, – и дал отбой.

Когда таксисты вернулись из столицы, у нас на площади чуть ли не митинг случился. Педру с горящими глазами, размахивая руками, рассказывал:

– Представляете, едем мы сначала по набережной, потом на авениду сворачиваем, медленно так едем, всю проезжую часть занимаем, сигналим, полиция на перекрестках остальным машинам дорогу перегораживает, все честь по чести, солидно. И вот доезжают первые из наших до президентской резиденции, и тут, на тебе, впереди дорогу перегораживает поли-

цейский фургон с громкоговорителем и начинает орать: «Внимание! Просим остановить все машины!» Ну все, думаю, приехали, дальше не пропустят, конец нашему маршу протеста. А громкоговоритель орет: «Внимание! Просим тишины! Сейчас к вам обратится господин Президент автономии!» И так раз пять подряд, пока все машины сигналить не перестали. Из-за фургона выезжает открытый автомобиль, а в нем стоит наш президент.

Все загалдели, что такого быть не может, что он заливает, и вообще, как Педру из своего такси мог там что-то рассмотреть. Но Педру не сдавался, призывал в свидетели других таксистов, вот, мол и Гомеш, и Карлуш там были, и что сам-то он, и в правду, далеко стоял, а Карлуш, тот впереди колонны ехал, вот он точно видел, он подтвердит. «Да что видел-то, что?» – старики уже изнывают от любопытства, но Педру, он себе цену знает, он не торопится:

– Ну и вот, значит. Да... Выезжает открытый такой автомобиль, белый, большой, Бентли, вроде. И там стоит наш, значит, тоже вот в белом костюме, красавчик. И с микрофоном в руке. Вот он в микрофон говорит, а звук идет из громкоговорителя, на весь город слышно было, точно.

– Да что говорит-то? Давай уже рожай, не томи... Что, что он сказал? – толобонят со всех сторон.

Педру еще паузу подержал немного, закурил, дым выдохнул, нос почесал и, наконец:

– Он так сказал. Я, говорит, много говорить не буду. Я, говорит, поддерживаю ваши требования и разделяю ваши тревоги, как-то так. Но, говорит, мне только что сообщили, полиции удалось задержать человека, которого подозревают в убийстве таксиста. Убийца таксиста арестован! А сейчас, говорит, можете продолжать свой марш! Во как! Стоило нам на улицы выйти, как у них там зачесалось, и они сразу забегали, и поймали этого гада.

Ну тут все подхватили: «Да, стоило только... Мы заставим их выполнять свой долг... Могут, если захотят...» Все кинулись в бар, стали угощать друг друга пивом и винишком, в общем, началось настоящее народное гулянье. Я тоже взял пару малюсеньких бутылочек, одну протянул Педру:

– Ну вот видишь, как все обернулось, а ты ругал меня, что я тебе машину поздно вернул.

Фотограф Хико Ити

На другой день было 31 декабря, и мы с Агнесс на ее яхте пошли в столицу смотреть новогодний салют. А до салюта был заявлен торжественный обед. Подруга моя повелела, дабы явился я на борт ее корабля одетым соответственно, если не фрак, то костюм обязателен, а не то, пообещала за борт сбросить на съедение касаткам. Ладно, думаю, будет тебе «соответственно», и вырядился в белый смокинг, да, есть у меня и такой прикид в шкафу, а к смокингу – широкий бордовый пояс и такая же атласная бабочка на шее, принимай, королева, графа Монте-Кристо. Я думал, Агнесс встретит меня в таком навороченном вечернем платье в пол, на которое ушло метров тридцать-сорок бархата или органзы, но она была в брючном костюме, шелковом, явно, очень дорогом, сливочного цвета, жемчуг на шее и маленькие золотые сережки, а в них тоже жемчужины. Мой вид ее удовлетворил. Оглядев меня с ног до головы, еще бы повертеться заставила, она сдержанно кивнула.

Пока суть да дело, до обеда еще далеко, мы выпили по рюмочке сухой мадеры и хозяйка устроила для меня экскурсию. Все как полагается на дорогих яхтах, как на картинках в каталогах, но, когда мы спустились на самую нижнюю палубу, я удивился. Там должно было быть две каюты, но Агнесс объединила все пространство и устроила – вот ни за что бы не догадался – фотостудию. С полным фаршем: четыре разные камеры на штативах, все эти штуки от бликов, зеленые занавесы для хромокея, софиты на треногах, комп с большим монитором для обработки картинок, и конечно, всякая бутафория, табуреты, обычные и высокие, столики, вазы, книги кипой на полу в углу и другая всякая всячина. Белый кожаный диван, полукруглый, манерный и пуфы в виде камней, круглые, черные. Короче, это была профессиональная студия.

– Кто у тебя тут фотографией балуется? Это ты себе фотосессии устраиваешь? Зачем тебе фотоателье?

– Это я, Руди, фотографией балуюсь. И скажу, у меня неплохо получается. Несколько снимков купил «Нэшенел джиогрэфик», кое-что глянец приобрел. Я даже выиграла пару конкурсов, честное слово, правда за выигранными призами не явилась, обойдусь без этих пылесборников сомнительной художественной ценности.

– Покажи.

Она опустила в широкое белое кресло возле стола, тоже белого или, вернее, цвета слоновой кости, включила комп, пощелкала мышкой, вывела на экран фотографии. Они и вправду хороши: улицы больших городов со старинными домами и такими же старинными трамваями, деревенские проулки с пылью и перекошенными заборами. Особенно удачными оказались морские виды; камни, прозрачная вода. Из воды высунулась голова тюленя, он смотрит прямо в камеру, то есть прямо на нас и, вроде, улыбается. Или вот другой кадр: желтая полоска пляжа, девочка, маленькая совсем, лет трех, стоит, раскинув руки, открыв рот, смотрит вверх, к нам полубоком, а в небе над ней совсем низко – огромная чайка, и размах ее крыльев такой же, как размах рук девчонки. Здорово!

– Стоп! Эту картинку я видел.

На экране – борт яхты или рыболовецкого суденышка, деталей не было, поэтому не разберешь. Явно север. По воде плывут льдины. У леера стоит человек без шапки, но в теплом красном комбинезоне. Он поднял руку. За бортом выпрыгнула касатка. Как по мановению человеческой руки.

– Это было в прошлогоднем номере «Джиогрэфик». Я сейчас напрягусь, и вспомню фамилию фотографа...

Фамилия вертелась где-то на окраине памяти, Хиро... Тико... Чёрт, не вспомнить, японское что-то, и это никак не могла быть Агнесс, там была краткая справка по фотографу и даже, кажется, его маленький портретик.

- Ты сочиняешь, Агнесс, это фотка какого-то японца, Хико, что-то там.
- Хико Ити. Это я, ну, если точнее, одна из моих ипостасей.
- Но там был портрет, ты совсем не похожа на того узкоглазого человечка.
- Ну, Руди, ты совсем позабыл наше ремесло...

Она нажала на кнопку, вмонтированную в стол возле монитора. Буквально сразу отворилась дверь, и вошел стюард, пожилой, в белой форме, вообще, на этом судне белый цвет превалировал.

- Пригласи сюда господина Ичиро.

Через три минуты появился японец в одежде повара, белая куртка, колпак, черный фартук. Он слегка поклонился. Лет тридцать, худой, я бы сказал, костистый, высокие выступающие скулы, узкие глаза, модная короткая стрижка и ярко-сиреневый чуб, в левом ухе болтается крупная золотая серьга как монета. Это был тот самый фотограф из журнала, память на лица у меня с возрастом не утратилась.

– Познакомься, Руди, это господин Ичиро Абэ, мой повар и по совместительству лицо известного фотографа Хико Ити.

Повар еще раз коротко поклонился. Ну, Агнесс, я только руками развел, что тут скажешь. Хотя нет, было, что сказать.

– Послушай, что ж ты мне голову морочила с фотокамерой, вон у тебя какое тут хозяйство, бери любую и вперед.

– Нет, Руди, та Сони Альфа была легкая, с ней ходить можно сколько хочешь, а попробуй потаскать на шее любую из этих, кило три-три с половиной. Мне это уже не по... – она чуть подзависла, может хотела сказать «не по годам», «не по возрасту», но передумала, – не подходит, в общем. Эти за мной стюард носит. Ну или здесь в студии снимаю. Вот, посмотри.

Она открыла другую папку с фотографиями девушек. Классический глянец: макияж, вычурные позы, полуобнаженка, неясный смазанный фон боке. Или наоборот, девицы по одной или парами в каких-то летних сарафанчиках, непринужденно смеющиеся на фоне луга или деревенского домика, антураж соответственный: бидоны, грабли деревянные, ящики с яблоками... Снимки были хороши. Профессиональная работа.

- Когда ты этому сумела выучиться?

– Это мой Якоб... Он всегда говорил: «Женщина не должна работать, но женщина должна заниматься. Заниматься собой, живописью или бизнесом, но заниматься чем-то обязательно, иначе она превратится в придаток к завтраку». Я решила заняться фотографией. Попалась мне книжка про Джулию Маргарет Камерон, была такая мадам в Англии второй половины девятнадцатого века, под старость со скуки занялась фотографией. Представляешь, это тогда-то: выдержка камеры десять минут, мокрый коллоидный процесс, то есть надо сразу обрабатывать, а то пересохнет, в общем, возня. И она, не заморачиваясь какими-то там законами, постановкой света, перспективой и патати-патата, стала известным мастером, ее снимки до сих пор актуальны. Ну а я-то чем хуже...

- А девчонок ты где берешь? Выглядят как фотомодели.

Продолжая листать свои снимки на экране монитора, он гордо посмотрела на меня:

– Фотомодели! Это девчонки с улицы, официантки, продавщицы или кассирши в супермаркетах, зачастую совершенно задрипанные в своей повседневной жизни. Но я выбираю тех, в ком есть какая-то искра. Вот эта, например, – она открыла снимок.

Спиной к нам, но вывернув голову, пытаясь заглянуть себе за плечо, сидела девушка. Узкая белая спина, очень четко очерченная, слегка изогнутая, одно плечо закрывает подбородок и чуть приподнято, видимая часть лица уже более мягкая, уже слегка не в фокусе. И на этом лице, почти лишенном черт – огромные черные глаза, провалы куда-то в потусторонность, и такая тоска в этих глазах, просто затягивает. Снимок был черно-белый.

– Девушка из сувенирной лавки в Лиссабоне, я зашла полюбопытствовать, а тут этот взгляд. А всего-то горя оказалось: парень на дискотеку ушел с ее подружкой. А что получилось? Изгнанная Агарь. Или еще что-нибудь библейски-величественное. Или Медея, пока она еще не начала все крушить. Согласись.

Я согласился. Я взял ее холеную руку и поцеловал:

– Ты мастер, Агнесс.

В нашей прежней жизни она всегда была умней, изобретательней, находчивей. Поначалу я даже бесился от того, что меня переигрывает женщина. Потом смирился. А когда мы расстались, и я занялся более «прогрессивным» делом, то очень гордился собой: вот я, хитрый перец, освоил новую сферу деятельности, совсем новую, уплыл в только что открытый океан виртуальных игр, а ты, Агнесс, все там же, осталась на берегу, даже хотелось думать, что у разбитого корыта. Но теперь мы оба – пенсионеры. И что? Я сижу на своем острове, общаюсь со старичьем, с которым и поговорить-то не о чем. Ну правда, что я могу обсудить с Педру, например? Его ничего, кроме бесконечных проблем многочисленных родственников, не волнует, книг он не читает, по телику только футбол смотрит. От Великой Скуки ловлю каких-то отмороzków, да и то не слишком успешно. А она болтается на своем корыте по всему миру, фотографирует встречающих девчонок, превращая их лица, никому до этого неинтересные, в шедевры. Инвестирует деньги в кинотеатры и еще куда-то там, она не скучает. Агнесс, ты опять обскакала меня. Но теперь я уже не завидую, не бешусь, подпрыгивая от азарта, не дергаюсь, чтобы обойти, оказаться (или показаться самому себе) более умным, хитрым, удачливым. Теперь я просто преклоняюсь. Bravo, Агнесс.

Обед был просто великолепен, господин Ичиро Абэ очень хороший повар. Описывать яства не буду, некоторые блюда, предложенные нам, знают немногие, а знатоки гастрономических утех могли бы за них пожертвовать немало. Вряд ли хоть в одном ресторане на нашем островке найдешь такой обед, ну может, во времена императрицы Сиси, только ей могли подавать что-то подобное. Хотя, говорят, она вовсе ничего не ела.

А потом яхта встала в бухте столицы. На три стороны абсолютно черный океан, пустой и необъятный, он дышал и ворочался, поднимая и опуская нашу посудину на своем хребте, с четвертой – сверкающие круизники, за ними берег с городом, огни, огни, огни... Очень красиво. Замыкает поле зрения полукруг гор, их невидимые вершины сливаются с бездонной чернотой неба. А в небе как отражение огней города – гирлянды звезд.

Ровно в полночь, в момент смерти прошлого и рождения нового года, начался салют. Стреляли круизники, стреляли с набережной, и по всему периметру гор абсолютно синхронно вздымались ввысь то красные, то зеленые, то золотые, прорастающие друг из друга огненные кусты фейерверка. Длилась световая симфония восемь с половиной минут. Все это время мы с Агнесс молчали, стояли на палубе, опираясь на тонкие перила, держа в руках бокалы шампанского. Не знаю, что за мысли блуждали у нее в голове, а я, глядя в расцвеченную праздничком ночь, думал, что это наша последняя с ней встреча, наше последнее совместное случайное «дело», больше мы не увидимся, по крайней мере, на этом свете, ни писать, ни звонить друг другу не будем, незачем, и когда ее лохань, прекрасная океанская яхта Азимут 77S, уйдет отсюда, это будет наше последнее «прощай». Печаль...

– Куда ты пойдешь отсюда?

– Сначала на Канары, потом Кабо Верде, а оттуда на Барбадос.

– Когда уходишь?

– Завтра, то есть уже сегодня, часов в семь утра. Когда я проснусь, буду уже далеко отсюда.

Когда я проснулся уже давно был день, серый ветреный, тоскливый. За окном сеялся дождик. Бар внизу закрыт, на площади тишина. Начался новый год, второй для меня на этом острове. Я спустился из квартирки и пошел к океану. На набережной пусто, городок словно

вымер, закрыты магазины, закрыты кафе и бары, выходить на улицу совершенно ни к чему. Я смотрел на серые волны под серым небом и думал, что где-то там между этими двумя неприятливыми стихиями болтается белоснежная яхта, на которой уходит из моей жизни Агнесс, уходит навсегда.

Но я ошибался.

Три дня Габриэла

Прошел январь, подходил к концу февраль. У нас это время всяческих ремонтов и приборок. Числа пятнадцатого в январе выходит на улицы бригада дворников, в основном, тетки, все в голубых фирменных футболках с надписью: «Муниципальная служба». Ходят с жесткими пластиковыми метлами, катят за собой тележки с мусорными ведрами, вычищают все углы и перекрестки в центре городка. Работают, абсолютно никуда не спеша, перекрикиваются через улицу. Вот остановился посреди дороги автомобиль, водитель разговорился со знакомой дворничихой, они болтают, смеются, сзади выстроилась очередь из трех машин, только что отъехавших от супермаркета, люди в них терпеливо ждут, пока те наговорятся, а куда торопиться-то. Уборщицы работают полдня, всё, кампания закончена. Потом их не увидишь три-четыре месяца, остальное время уборкой занимается дождь.

Еще чинят дороги, во многих местах проезжая часть замощена поставленной торчком черной океанской галькой. Ремонт выглядит следующим образом: два мужика, огороженные красно-белой ленточкой, привязанной к поломанным стульям, вооружившись резиновыми киянками, сидят на корточках и вбивают камешки. Рядом стоят два помятых ведра с камнями. Безотказная и очень дешевая технология. Кое-где, опять же окруженные пестрой лентой, открыты люки, проверяют всякие коммуникации.

К концу января, глядишь, сняли лампочки с платанов и пальм, рождественско-новогоднюю иллюминацию, демонтировали псевдоёлки на променаде. К началу февраля все следы многодневных праздников стерты, и город принимает будничный вид. Хотя разницы никакой. По-прежнему на всех углах стоят и сидят целыми днями праздные мужички, греясь на солнышке и переговариваясь время от времени. По-прежнему с утра бары полны теток, только что сделавших необходимые покупки в одном из двух громадных супермаркетов и теперь жаждущих выпить по чашечке кофе и поболтать о своем, о девичьем. И по-прежнему собираются стайками и воркуют мои приятели-голуби у безымянной пивнушки на площади возле церкви Чудес Господних.

Первого марта получаю в Вотцапе послание от Агнесс. Его стоит процитировать: «Руди, я купила камеру Сони! Я купила свою камеру!! Я КУПИЛА СВОЮ СОБСТВЕННУЮ КАМЕРУ!!!» Я отправил в ответ знак вопроса, и вот что пришло: «Только представь, иду по улочке в районе гамбургского порта, сам понимаешь, у меня могут быть там некие дела, прохожу мимо небольшого комиссионного магазинчика бытовой техники и всякой электронной хурды, и вдруг меня словно притягивает к витрине. За стеклом стоит моя Сони. Нет, конечно, все камеры одинаковы с виду, но эта подавала мне телепатические сигналы: «Это я! Я!» Захожу, прошу парнишку-продавца показать мне эту камеру. Ты же помнишь, я все свои вещи подписываю. Открываю крышечку, за которой карта памяти стоит, и точно! Вот он, мой знак. Конечно, я купила ее. И знаешь, в этот раз она обошлась мне в два раза дешевле, чем в первый».

Агнесс, действительно всегда метила свое имущество, не знаю, откуда у нее эта привычка, но на розовых платочках была вышита монограмма, сумочки, чемоданы, блокноты, посуда, все, что принадлежало ей, было украшено буквой Z, перечеркнутой двумя горизонтальными черточками, как обычно бывает у знаков валют. Представляю, как она, сопя и высунув язык от усердия, царапала свой знак иглой на крохотной крышке отсека для SD-карты.

Я спросил ее, а как же Барбадос, по моим расчетам она должна быть в Вест-Индии, а вовсе не в Гамбурге. Нет, дойдя до Канар, она провела там пару недель, облазила все острова, а потом что-то захандрила, заскучала и решила возвращаться домой. «Пора, – написала, – уже к своим старухам, а то фрау Зибель начнет распространять слухи о моей кончине, а выжившая почти

окончательно из ума фрау Мюллер совсем забудет о моем существовании. Пора окунуться в этот серый скучный мирок, чтобы снова почувствовать тягу покинуть его и уйти за горизонт».

Переписка с Агнесс снова навела меня на мысль о потоке ворованных фотокамер, плавно текущем с нашего острова на материк. Прошло ровно два месяца с момента, когда «красавчик, но свинья» спер ее Сони Альфу, и до радостной встречи двух разлученных. Ну допустим, месяц или полмесяца камера пролежала в лавке... Нет, это недопустимое приближение, месяц – это одно, полмесяца – совсем другой коленкор, а то, может быть несколько дней или, наоборот, месяца полтора. Надо узнать, когда камера попала на прилавок. И вот я пишу своей бывшей напарнице: «Узнай дату, когда твой фотоаппарат попал в магазин и, в идеале, кто его сдал». В ответ, конечно, сразу получаю поток язвительных замечаний, типа «всегда на страже справедливости» и «доблестный рыцарь без страха и упрека ринулся в бой»... Но через два дня пришел ответ по существу: «Сони сдал некто Дитрих Кляйн восемнадцатого января сего года, и вот его телефон: +351 933 306 578». Интересно, как она выцарапала эту информацию?

Я представил себе: в магазинчик приходит такая старая кошелка в вытянутой вязаной кофте попугайской расцветки или в плащике, который помнит еще эйфорию падения берлинской стены, когда-то темно-коричневом, а ныне выцветшем до непристойно-светлых пятен на груди и на зад. Еще пять-шесть дней назад она купила здесь фотокамеру, а сегодня, глядите-ка, принесла ее назад, пытается всучить продавцу и вернуть свои деньги. Он тычет рукой в бумажку на стене, где крупными буквами напечатано, что комиссионный товар обмену и возврату не подлежит, но старуха не отвязывается. Ну как же нельзя вернуть, вы понимаете, мне срочно нужно, заболел мой Пончик, а он такой славный котик, он со мной уже пятнадцать лет и все было хорошо, но теперь он что-то совсем расхворался, и врач говорит, ему нужны анализы и уколы, и, вообще, почки это очень серьезно, и она ведь не просит чужих денег, а только хочет вернуть те, что еще совсем недавно заплатила за эту камеру... Но деньги уже выплачены хозяину фотоаппарата, и вернуть их поэтому никак невозможно... И в ход пошел крохотный платочек, но слез так много, что этот розовый лепесток просто тонет в горячем море... А он ей говорит, что может, конечно, снова принять у нее эту злосчастную камеру на комиссию, но тогда она получит сумму, только в случае ее продажи. Но как же, ведь за анализы требуют прямо сейчас, и уколы..., а то бедный котик может умереть, и что она без него... Ну, хорошо, можно выкупить у нее камеру (Восторг и чуть ли не поцелуи: она всегда знала, она чувствовала, что он славный мальчик!), но всего за тридцать евро. Но как же, ведь она заплатила за нее сто пятьдесят, вот чек, зачем он пытается обмануть несчастную старуху... И нудит и нудит, и он уже пытается выжать ее из лавки, у него-де обеденный перерыв или еще что... И уже стоит в дверях, и крутит в руках ключ, но она не понимает намеков, она вцепилась в прилавок, и, что ему силой что ли тащить ее на улицу... А может, милый мальчик скажет ей, кто сдал эту камеру, и тогда она обратится прямо к этому, она уверена, доброму человеку, не будет же он мучить старуху и бедного котика, он, конечно вернет ей то, что она потратила, и все будут счастливы. Нет этого он сделать не может... Но почему же, она же только хочет вернуть свои деньги?... Вот, чертова старуха, привязалась как репей, и он открывает книгу, где записаны комитенты, и пишет номер телефона, лишь бы она провалилась куда-нибудь, и пусть с ней разбирается бывший владелец, а он уже выдохся. А старуха лезет ему через плечо в книгу и бубнит, что ничего не видит, потому что забыла дома очки. Шутишь, Агнесс, ты до сих пор в свои семьдесят с лишним не утратила зоркости.

Такой это был спектакль, или еще как иначе, но информацию она мне предоставила. Дальше уже мое дело.

Так, имя немецкое, а номер телефона португальский. Сейчас, дружбан, я тебя найду, раз-два-три-четыре-пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват. Мне нужен акцесс, доступ в смысле, к базе провайдера мобильных. Посидел и скомпилил себе прогу, чтобы втихую забекдорить ихний сервер. Зашел через некий сокс (это такой виртуальный или фиктивный

сервер в сети, он как бы есть, но его вовсе нет, ну я не знаю, как это объяснить тем, кто не в теме, не суть), и опа(!), указанный номер зарегистрирован на имя Мадалены Соуза, 1937 года рождения, проживающей в городе Синтра. На Дитриха Кляйна она явно не тянет. Возможно, и даже скорее всего, и Дитрих – никакой не Дитрих. Я сунул «отмычку» в сервер провайдера и оттуда отправил этому Дитриху автоматический звонок, что у него большая задолженность, и, если в течении двух дней она не будет погашена, телефон будет отключен. И указал номер оператора связи. Если он позвонит на этот номер, то звонок придет ко мне, на мою тачку. Сiju и жду. Он позвонил через три часа, да, я очень терпелив, если надо. Начал разговаривать с ним по-немецки, чую, он не особо понимает, перешел на португальский, ага, добро пожаловать домой, Дитрих-то наш – чистейший португеш, как я и думал. Извинился, объяснил ему, что произошел сбой сервера, и никакой задолженности у него нет. Расстались довольными друг другом. Что дальше? Исходим из предположения, что Дитрих, пока так и буду его называть, везет свое чардо, старушечьи фотокамеры, на материк морем, значит работает на каком-то судне, и судно это ушло примерно за неделю до восемнадцатого. Морем идти суток пять, если погода совсем не хороша или, если это чартер через Порту Санту и Лиссабон, ну даже пусть неделя, ну и пара-тройка дней, чтоб товар раскидать по купцам. То есть, ищем корыто, что ушло из Канисала, а других подходящих портов у нас нет, в Гамбург в районе десятого-двенадцатого января.

– Педру, – я прошвырнулся по городку и застал своего приятеля в вечном ожидании клиентов на стоянке возле «Солара», он и еще пара таксистов подпирали спинами стену, – твой племянник Гильерму вроде в порту работает?

– Малыш Мему? Да, он крановщик.

Это было сказано гордо, как обычно говорят: «Он наследный принц» или «Он победитель чего-нибудь эдакого, очень важного, чемпион мира». И тут же дружок мой забеспокоился:

– А тебе зачем?

– Да вот хочу в газету на материк статью послать про нашу жизнь, для начала про тех, кто в порту работает. Не дашь его телефончик?

Телефончик он мне с радостью дал, и созвонившись, уже к концу рабочей смены я был в Канисале в небольшом баре у выхода из порта, носящем громкое имя «Футбольный клуб». Малыш Мему оказался крупным мрачным сорокалетним мужиком с обветренным лицом и солидной проплешиной на макушке. Мы взяли с ним по малёчку-бутылёчку пива... Потом еще по бутылёчку и еще... Потом к нам подтянулись другие ребята из порта, приятели Гильерму, все они пытались донести до меня что-то про свою нелегкую долю: «Вот ты вот что напиши... А еще, важно...», но постепенно разговоры превратились в пересказывание анекдотических случаев, случавшихся с ними самими или гораздо чаще с их приятелями. Я сидел, поддакивал, смеялся, где нужно, удивлялся, когда этого ждали, и слушал, внимательно слушал весь этот словесный сор. И дождался. Напарник малыша Мему, Диогу по прозвищу Гарса (Цапля), длинноногий и остроносый, размахивая руками как крыльями, рассказывал, как совсем недавно, сразу после Нового года случился конфуз при погрузке контейнеровоза «Роза ду мар», ходившего чартером не куда-нибудь, а до Гамбурга. Он загрузил все контейнеры честь по чести, а тут его вызывают в портовую контору и давай орать, что он поставил не те ящики. А он показывает грузовой план, там все чин чинарем, какие номера стоят, те и загрузил. План-то неправильно оформили в конторе, и часть контейнеров пришлось снимать, они должны были идти на Испанию, а вовсе не в Гамбург. Да еще оказалось, что ящики эти стоят в самом нижнем ряду. Пришлось фигову кучу контейнеров снять, чтоб до них добраться. Ну ладно, выгрузили, потом загрузили, что надо, и тут оказалось, что один из контейнеров, снятых с «Розы ду мар», вскрыт. Еще скандал. Чем там дело у них кончилось, Диогу не знал, его в тонкости не посвятили, но больше всего его веселило, что во время выгрузки по палубе бегал какой-то матрос:

«Куда у них вахтенный смотрит? Мне сверху хорошо видать, этот между контейнерами ужом проскользнул, потом смотрю тащит оттуда чего-то, сумка не слишком большая, или мешок, не знаю. А потом у них распечатанные контейнеры случаются».

Ну вот и все. Осталось только выяснить, когда эта «Роза» опять к нам пожалует. Не вопрос, она в начале каждого месяца на разгрузке-погрузке, глядишь через три денька и придет, а если мне точная дата нужна, это вот у Алонсу, он в конторе работает, спросить надо:

– Алонсу, «Роза» когда пришлепает? Знаешь?

– Не, не помню... сейчас звякну, у Родригу спрошу, он как раз на работе.

Через полминуты я знал, что «Роза ду мар», контейнеровоз класса Хэндимакс, курсирующий между портами, включая наш и гамбургский, тот, на котором майн либер Дитрих таскает краденое барахло на материк, прибудет на остров шестого числа, то есть послезавтра. Стоянка у стенки два дня.

Значит, у меня три дня. Какие планы? Первый день, ясно дело, подготовка.

Сначала подумать. Вот идет выгрузка ошибочно поставленных ящиков, и какой-то му... бегают по палубе с сумкой. Почему? Он спрятал хабар в контейнере. Зачем? Ну вот я бы как поступил... Вот я приволок на борт сумку с фотиками, их там у меня штук сорок, хороший такой объем. А в кубрике нас человек, ну всяко не я один, шесть, а то и десять, количество уже не бьется, и двух пар лишних глаз достаточно. И вот какая-то любопытная крыса сует нос, куда не просят – проблема. Надо чардо спрятать. В контейнере хорошо. У меня две сумки одинаковых, в одной барахло мое, эту – в кубрик, в другой – товар, эту понятно куда, в контейнер, что до последней остановки идет, а там вытащил потихоньку и вперед на берег. Главное, успеть достать, пока ящик с борта не сняли. А то в одном только Гамбурге, контейнеровоз может у пяти-шести стенок постоять, разгрузиться-погрузиться, уйдет контейнер с борта, задолбаешься в порту искать. Значит, это не какой-то матрос, механик там или радист, а скорее всего сам вахтенный помощник, через него все грузовые планы проходят, он знает конкретно, что где ставят, что где снимают. Принимаем это за точку отсчета. Дальше – кто у нас вахтенный на «Розе», где искать? Да опять там же, в Канисале. И на следующий день я снова в баре «Футбольный клуб». Теперь Малыш Мему мне не нужен, я знаком с половиной работающих в порту мужиков.

Вот он, Алонсу, клерк из портовой конторы, маленький, тощий, юркий как ящерица. Стоит у стойки, цедит неизменный малёк пива, а сам ни на мгновение не остается неподвижным, переминается с ноги на ногу, чешется, поглаживает стойку ладонью, оборачивается на каждого вновь вошедшего. Неспokoйный такой человечек. Вроде вчера он что-то про свою дочь рассказывал, болеет что ли, не особо запомнил. Становлюсь рядом со своим бутылечком в руке: как дела, как жизнь, как девочка, все хорошо? Угадал. Он начинает быстро-быстро что-то мне говорить про свою дочь, что вот надо на обследование в столицу ехать, а она, маленькая, боится, плачет, не хочет, а еще надо то... надо это... Заинтересованно киваю, главное: выслушать до конца. Молчать и слушать, пока сам не остановится, выговорив, вывалив из себя все свои проблемы. Пятнадцать минут, и он готов, выжал из себя все, теперь можно начинать. Для затравки пару историй, первая вообще не по делу, а вот вторая с крючком внутри: вот, мол, у меня друг есть, он вахтенным ходит на фидере Сиборд Марин на Карибах, дак, там расписание вообще никто не блюдет, главное – груз набрать побольше, поэтому вместо заявленных двух недель чартер может длиться и три и дольше.

– Не, – Алонсу качает головой, – у нас такого нет, сказано столько-то дней у стенки, значит, столько и отстоит, задержек на было.

– А еще он говорил, – продолжаю гнуть свою линию, – что там, на Карибах, всей разгрузкой-погрузкой ведаст стивидор с берега, ни капитана, ни старпома, ни вахтенного никто не спрашивает.

– Ну это вообще ерунда, как грузить без вахтенного, он же грузовой план подписывает, ты кого хочешь спроси.

– А кого спросить-то, я бы спросил, – вот он мой крючок, – ну вот ты говорил, завтра «Роза» придет, вот я бы ихнего вахтенного и спросил.

– А зачем тебе это?

Я, ничтоже сумняшся, говорю:

– Как зачем? Хочу книгу написать о тружениках моря, вот материал собираю.

Это вызывает уважение. Вообще, я заметил, у людей малочитающих всё связанное с литературой вызывает большое уважение. На этом и сыграл.

– Счас, – говорит, – Родригу звякну, спрошу, он посмотрит, кто там на «Розе» вахтенный.

Вахтенный помощник на контейнеровозе «Роза ду мар» – Габриэл Гомеш да Силва. Вот он ты, майн либер Дитрих, ку-ку, я поймал тебя. Основная часть подготовительного цикла пройдена, осталось хрен да маленько: запустить программку с фицей геолокации, – отследить мобильник на местности, должен же я знать маршруты передвижения майн либер Дитриха или, если хотите, меу кериду Габриэла, что суть одно и то же. Ну и туда же в прогу примочку, чтобы засечь и определить на местности номера, с которых ему будут звонить, или кои он сам набрать соизволит. Прогу я заинсталил в маленький свой ноут, маленький да удаленький, я его на PURISM'e заказывал. Он в три с лихом тонны бачей мне обошелся, но того стоил. Главное, в нем антенна супер, если хоть сколько угодно слабый сигнал, она словит, главное, чтобы был. Ну и, наконец, возможность послушать, о чем мой бравый герой будет со своими поделеньками беседовать. Просочиться в сети сотового оператора через дыры в протоколе сигнализации SS7 – нормальная рабочая схема. Но это завтра по утрецу, пока незачем. Нет, я бы мог все это забубенить в стационарную тачку, но мне же и посмотреть охота, чего как там получится, значит, надо быть мобильным. Я даже хотел отправить своему клиенту червя в приложении, чтоб через мобилу слышать вообще все его разговоры оф-лайн, но потом решил, ну его на фиг, что я там услышу, только уши засорять. По моим прикидкам должно быть два, максимум три звонка, и столько же свиданий с передачей краденых камер, не будет он поставщиков в одну отару сгонять, знакомить между собой. На последнюю стрелку я собирался пригласить кордебалет из полиции и посмотреть через щелочку на этот хоровод. Ну должен же я увидеть срежессированное мною действо.

И было утро Первого дня. Это я так назвал, раз судно будет двое суток стоять в порту, значит пусть будут Первый день и Второй день. Вот Первый, значит, начался. Девять часов, я бодрый, с большой чашкой крепкого кофе сижу на диване, на коленях – ноут. Чашка слегка обжигает пальцы. Помню, вычитал у кого-то из латиноамериканцев: «Кофе должен быть черным, как ночь, горячим, как страсть и сладким, как грех». Красиво, но я предпочитаю все же без сахара, безгрешный. На ноуте карта острова, пока пустая, клиент проявится, когда его мобильник законнектится с кем-нибудь. Сижу, жду... Вторая порция кофе... Десять утра. На улице солнышко, над океаном небо голубеет, Луиш внизу уже свой шалман открыл, туристы после своих гостиничных завтраков подтянулись на первую чашечку эспresso. У меня окно открыто, слышно, как они переговариваются. А я что, привязанный? Сижу тут, жду у моря погоды. Какого черта? Позвонил в порт Алонсу, сегодня с утра его смена, а мы с ним после двух посиделок в баре друзья навек, здесь на острове корешатся быстро, благо для этого ничего, кроме потрындеть, не нужно. Спросил, пришла ли уже «Роза ду мар». «Да, – говорит, – здесь, прямо сейчас швартуется. А что?» Я тему сбил: «Я ты до сколько на службе? Может посидим как вчера?» Но он сказал, ему надо с дочкой в клинику. Порассказал мне еще про нее немного и уже про мой вопрос забыл, вроде я и звонил только, чтоб выпить предложить. Неплохо.

Время есть, я спустился вниз, там уже мои приятели-голуби собрались кучками, воркуют. В одном углу костяшки домино стучат, в другом футболистам из Униана кости перебивают, знатоки – ей-богу, каждого можно тренером ставить, победа гарантирована. Ну я тоже подошел, руками помахал, свои советы, как играть надо, выдал, потом к стойке протиснулся. Именно, что протиснулся, человек шесть в экран пелятся, от страсти подвывая, Униан кому-то сливает матч.

– Луиш, – говорю, – мне бы твоих волшебных тостов с ветчиной и сыром. Сделай мне штук шесть, я наверх к себе возьму. Лады?

Пока ждал, подошел к доминошникам: «Как дела? Все хорошо?» – «Все хорошо!». Сидят мужики, еще крепкие, им бы, ну не знаю, огороды что ли копать или столярку какую сколачивать, делать что-нибудь, руки-то у них умелые, они что только в этих руках не вертели за долгую жизнь, но теперь нет, шалишь, только костяшки белые пластиковые в стол вколачивать. И не скучно им. Завидую. Есть, правда, у нас в компании один настоящий инвалид, Мигуэл, он раньше рыбаком был, по миру помотался, в Панаме рыбу ловил, в Калифорнии. Что-то там у них на сейнере произошло, рухнуло что-то, Мигуэлу позвоночник подшибло. Домой вернулся к жене и детям. Теперь не ходит, ездит на такой самодельной трехколесной хреновине с мотоциклетным мотором, сам собрал, я ж говорю: они могут, старики наши. Могут, но не хотят. Меня окликнули, тосты были готовы, и, забрав аппетитно пахнущую тарелку, я вернулся к себе на диван к ноуту.

Полдень. Есть! Клиент проявился! Дзинь-дзинь. Вахтенный Габриэл звонит кому-то в Сантану. Так, включаем громкую связь: «Прием. Прием. Неуловимый мститель вызывает поганца Габриэла». Шутка! Ладно, долго рассказывать тут нечего, этот скупщик ворованных камер позвонил, как я и думал троим, одному за одним, и назначил три встречи, две сегодня: в восемь вечера в шашлычной «Нунеш» у заправки в Сантане, и в восемь тридцать где-то в Файяле, конкретно не было сказано, «на том же месте» и все, значит не в первый раз. Ну ничего, я найду. Все рядышком. Последнее свидание было назначено в день Второй с самого, можно сказать, ранья, в восемь часов, угадывайте где? В нашем солнечном городке, правда на окраине, у бара «Капитал», там в этот час весьма тихо и пусто, с одной стороны строительный магазин, он еще будет закрыт, с другой – эстакада скоростной дороги, напротив пустырь. Сюда я должен буду ангажировать ансамбль песни и пляски отделения криминальной полиции. А где же пристроиться честному зрителю? Я поелозил по карте, вот она моя ложа – за пустырем огороженная площадка со штабелями каких-то стройтоваров и парой двадцатифутовых контейнеров. Тут, на контейнере я и устроюсь.

Но завтра – для завтра. А нынче уже в семь вечера я сидел или, правильнее сказать, сидела в шашлычной в Сантане. Вспомнив комедию с переодеваниями, я вновь задействовал образ немецкой туристки, сегодня ее розовую непродувашку украшал значок в виде желтого одноглазого миньона из популярного мультика, его глаз был видеокамерой, батарейки хватало на час непрерывной съемки, да мне столько и не понадобится. Место было не самое проходное, кабак стоял у малопроезжей дороги, жилых домов рядом нет, только мебельный магазинчик, но он, по-моему, закрылся навсегда. Где-то без четверти восемь перед входом остановилась древняя ауди 80, омерзительно-зеленого цвета, длинноногая такая, восьмидесятых годов прошлого века, а можно еще круче: конца прошлого тысячелетия. Хлопнув дверцей доисторического рыдвана, в зал шагнул парень лет двадцати пяти, с кольцом в мочке левого уха. Не тот ли, что попятил Агнессову розовую Сони? Был это явный бразилейру, их все больше приезжает на остров. Чего едут из своей Бразилии? Делать здесь у нас нечего, работы нет, социал маленький. Большая половина этих парней открывают барбершопы, стригут и бреют, с клиентами у них порядок, зачастую очередь сидит в парикмахерской, и все, включая мастеров, болтают о том, о сем и попивают кофеек. За последний год появилась целая формация молодых людей, фигуру они себе уже сделали, накачали-набегали, а теперь лелеют и холят растительность на

своих физиях, к парикмахеру они ходят по два-три раза в неделю. Ей-богу, думают только о своей бороде.

Но, видимо, этот уроженец Бразилии стричь-брить не умел, пришлось заняться другим промыслом. Он бегло оглядел столики, не нашел, кого искал, и встал у стойки, заказал вечную чашечку эспрессо. Пенсионерка, ну то есть я, подошла к стойке расплатиться, потом вышла на улицу покурить. Курила она, не спеша, со вкусом и долго. И дождалась. Около темной витрины закрытого мебельного магазина остановился пикап кангу с глухим, без стекол, кузовом, водитель, не выходя, что-то сказал в свой мобильник, и тут же из шашлычной вышел давешний бразилейру, вытащил из своей тачки черную спортивную сумку, вполне увесистую на вид, и пошел к пикапу. Тетка в розовой непродувашке бросилась за ним, и когда из пикапа вышел водитель, она, обойдя бразильца на вираже, подошла и спросила по-английски: «А не будет ли любезен многоуважаемый сеньор подсказать даме, где тут стоянка такси?» и меу кериду Габриэл, а кто это еще мог быть, высокий тридцатилетний мужик, смуглый до молочно-шоколадной масти, кучерявый, с явной примесью африканской крови, объяснил даме, что стоянок тут нет, а такси ей может вызвать бармен, к нему и обращайтесь. Пенсионерка удалилась обратно в шашлычную. А эти полезли в пикапчик, сдавать-принимать чердованный товар.

Машины разъехались. Я взял (пенсионерка взяла) еще один, уже третий здесь кофе и вытащил(а) из рюкзака свой ноут. Посмотрим, куда ты, прелестное дитя, теперь наводишь лыжи. Красная точка Габриэлова мобильного двигалась в сторону Файяла, а навстречу ему двигалась синяя точка, обозначающая телефон его контрагента. Они сошлись в придорожном кафе «Груташ» на окраине Файяла. Да, местечко самое подходящее для тайных свиданий. Эта забегаловка стоит на перекрестке трех дорог, и кроме дорог, там ничего нет, ни жилья, ни магазинов, ничего. Успею? Нет? Попробуем. Пенсионерка, захлопнув ящик, бросив мелочь на стол, буквально выскочила на улицу, рюкзак на спину, шлем на голову и в седло. Я одолжил мотоцикл у парня одного, немца, живущего в столице уже третий год, он большой любитель гонять, в том числе и по треку, и конь у него шикарный, BMW S1000. Как ни быстро я ехал, но добрался только к шапочному разбору, и успел увидеть лишь как разъезжаются от рестораника уже знакомый пикап и старый красный мерин-250. Заснять я это не успел, но номер мерседеса запомнил, потом дома гляну, чей. Ну что ж, Первый день закончился, я – домой.

Вечерком, посидев как положено за пивом и газетами, поболтав с народом, я засел в своем кабинете. Перелопатил, что наснимала моя камера. Неплохо: Габриэл, первый его снабженец – крупным планом, номера обеих тачек в кадре. Номера мобильных, номера машин в умелых руках быстро превращались в имена и адреса. Все это я записал в файл, подробно, с повторами, чтобы самому непроезжаемому кретину было понятно. Нет, я ничего плохого про полицию сказать не хочу, просто на всякий случай. Да, главное – про завтрашнее свидание всю инфу: где, когда и с кем, приложил видяху, потом через пару соксов спуфил мыло веерно на все адреса нашего отделения криминальной полиции от имени и электронного адреса монастыря да Санта Мария в городке Алкобаса на континенте, так называемого монастыря Молчания. И подписался привычно: «Сестра Ирма».

«О, где ты, утро завтрашнего дня?» Утро, надо сказать, не задалось. Где-то с пяти часов пошел дождь, и, когда я без четверти семь высунул нос на улицу, там было темно, сыро и холодно. Сильный дождь уже иссяк, но отовсюду летела мелкая водяная пыль, унылая, всепроникающая. С гор сползала серая рваная простыня облаков, превращалась по пути в туман, и он прятал в своем чреве еще спящие улицы. Самая гриппозная погода. А я человек уже старый... Тьфу, пропасть, наслушался Агнесс: «Старость, старость...» Не дождетесь. Одедся соответственно. Двигать пора, режиссер должен быть в театре первым. Железный немецкий конь все еще со мной. Хорошая скотинка, пожалуй, куплю себе такую, машина здесь мне совершенно ни к чему, а вот такой мотоцикл – то, что надо. Поскакали. В семь ровно я на месте, болторезом крякнул замок на воротах и закатил мотоцикл на территорию давешнего склада. Забрался на

контейнер, залег. Мягко говоря, сыровато, да, фактически в лужу ложиться пришлось, хорошо я под одежду гидрокостюм надел, мне только ревматизма на старости лет не хватало, тьфу, опять туда же понесло, нет никакой старости, есть застой в мыслях и в теле. Ноут поставил, где посуше, включил, жду, проявятся ли мои клиенты. Ночник достал, хотя и не ночь, да туман не особо позволяет разглядеть окрестности, поэтому бинокль ночного видения не лишний. Думаю: где же полицейские? Чёрт, не явились что ли? Для кого я тут шоу устраиваю? Обидно. Сам я хватать и вязать никого больше не собираюсь. Не приедут, будет меу кериду Габриэл гулять на воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.